

Военные
Приключения

НАГАН И ПЛАХА

ВЯЧЕСЛАВ БЕЛОУСОВ

Военные приключения (Вече)

Вячеслав Белоусов

Наган и плаха

«ВЕЧЕ»

2016

Белоусов В. П.

Наган и плаха / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8597-2

Главный герой романа «Наган и плаха» хорошо знаком читателю по книге «Красные пинкертон». Начальник уголовного розыска Турин продолжает борьбу с бандитами. Однако появляются новые проблемы: на город обрушивается наводнение, более того, активная деятельность нэпманов, подорвавших взятками нормальную работу рыбопромышленников Астрахани, не остаётся без внимания высших органов НКВД. Нарком Ягода даёт команду арестовать виновных и привлечь к ответственности за антисоветскую деятельность. Назревает знаменитое дело «Астраханщина», грозовые тучи сгущаются и над Туриным...

ISBN 978-5-4444-8597-2

© Белоусов В. П., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Часть первая. Наводнение	6
I	6
II	10
III	15
IV	19
V	23
VI	26
VII	31
VIII	35
IX	37
X	43
XI	47
Часть вторая. Коварство сладкого дурмана	52
I	52
II	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вячеслав Белоусов

Наган и плаха

© Белоусов В. П., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Мы обречены субъективно оценивать события, постигая их настоящую глубокую суть лишь спустя время. Первичное же восприятие нередко зависит от того, насколько искренни мы сами и насколько события касаются нас самих.

Великий чешский патриот Ян Гус, приговорённый к сожжению на костре средневековыми палачами инквизиции, воскликнул: «O sancta simplicitas!» (О, святая простота!) при виде старухи, в порыве религиозного ослепления тащившей полено в костёр под его ноги.

А вот вождь коммунистов и Генсек партии Михаил Горбачёв закричал: «Ну, это уж слишком!» на разжалованного следователя по особо важным делам Генпрокуратуры Тельмана Гдляна, когда тот с трибуны I Съезда народных депутатов СССР заявил, что уголовное дело о коррупции и взятках партийных чиновников не «узбекское дело» и даже не московское, а кремлёвское. И только всенародная известность отстранила нависшую над ним серьёзную угрозу.

Истине всегда приходится оставаться в последней инстанции, и только время открывает глаза народу.

Автор

Часть первая. Наводнение

I

Снилось, что он тонет.

Захлёбываясь холодной горькой водой, задыхаясь, он будто погружался в тёмную муть глубокого, заглатывающего его дна, но закашлялся, поперхнувшись, выплюнул действительно заливавшую открытый рот воду, перевернулся на живот... И проснулся.

В предрассветных сумерках молнии одна за другой терзали небо, глушил, раскатываясь раз за разом, гром, палатку свалил бушующий ветер и заливал хлеставший дождь. С трудом продрав глаза, Ковригин огляделся, попытался подняться, но укрепиться удалось лишь на четвереньках. Он повертел головой, хрустя позвонками, его покачивало и тошнило, перед глазами бегали мушки, стискивала виски невыносимая боль – вчерашнее, теперь уже второе, застолье без конца и края сказывалось и на нём, вроде привыкшему ко всякому.

Под разбросанной палаткой кто-то шевелился ещё, не подавая голоса. Ковригин с трудом сумел сесть, дотянуться до брезента, откинуть – голая женщина, зябко съёжилась, забурчала во сне, недовольно забираясь в теплоту, подальше от ветра и влаги.

«Кто это?» – прикрыл он её, напрягая память.

Вчера их было несколько, насобирали на станции у райкомвода Аряшкина, с которым встретились к концу первого дня поездки, причалив к вечеру у маленького рыбзавода. Инициатором такой компании был ответственный секретарь губкома Странников, с ним поначалу крутилась шустренькая машинистка из штаба по наводнению, и замгубпрокурора Глазкин, хотя не выдавал истинных чувств, заметно на неё зарился, поплёвывая через борт моторной лодки, пока днём шли по Волге, осматривая укрепления берегов возле населённых пунктов. А вот после встречи с райкомводом, когда ответственный секретарь что-то шепнул на ухо Аряшкину и уже на двух лодках они продолжили подыматься вверх по течению, женского полу прибавилось чересчур. Разместились они во втором судёнышке, у райкомвода, но когда к вечеру ткнулись в берег на ночевую, от бабьих голосов и визга некуда было деться. Волоокая хохотушка с нагловатыми повадками, как сразу заметил Ковригин, так и жалась к Странникову.

Райкомвод Аряшкин не отпускал от себя чернявенькую длинноногую и не без основания: лишь расположились вечерять на траве, к ней стал цепляться Глазкин, хотя заметно было, что для него припасена другая – хохлушка, горланящая песняки после первой рюмки и быстро захмелевшая. Она и в палатку Глазкина раньше остальных залезла, по-хозяйски располагаясь и окликавая его, зазывала без стыда и совести, но, не дождавшись, так и затихла.

Была ещё четвёртая, совсем ничья, её Аряшкин прихватил из своего комвода, видать, про запас, зная нрав ответственного секретаря – у того сегодня машинистка, завтра какая-нибудь завженсоветом, а потом пойдёшь, разберись, менял он их, как перчатки. А эта, хотя и поменьше росточком, но волоокая, палец в рот не клади!.. Ковригин её заметил сразу – так и стреляла глазками по мужикам, но мотористов с обеих лодок, пощипывающих её то и дело, когда палатки на берегу растягивали да укрепляли, сторонилась. Её и пригрел Глазкин, лишь предназначенная подружка в его палатке затихла, однако жадные взгляды кидал и на длинноногую, зля и расстраивая райкомвода. А та, опьянев и забывшись, тоже нет-нет да поглаживала зампрокурору бока, вот Аряшкин и завёлся, вспылел, хотя и выглядел трезвее остальных, так как не на все тосты Странникова за победу над стихией откликался, пропускал через одну-две рюмочки.

Как они сцепились, когда Глазкин, совсем захмелев, длинноногую тискать начал, Ковригин не уследил, так как Странниковым занят был – того стошнило, чего сроду не бывало, должно быть, сырой воды глотнул вгорячах, и он повёл его в лесок, а потом к берегу лицо смыть. Там оба и вздрогнули от грянувших вдруг выстрелов, обернулись к костру, где завершали вечернюю разборку поездки, а замгубпрокурора из нагана вверх палит, не останавливаясь, над присевшим от страха райкомводом.

– Это что за хренотень? – не сразу пришёл в себя ответственный секретарь, поддерживаемый Ковригиным. – Сдурели, мужики! Ну-ка, Жорик, утихомирь петушков!

Сам он, как присел в воду в резиновых тяжёлых сапогах, когда первый раз бабахнуло, так и сидел, замочившись по пояс, увяз в тине, не мог подняться без посторонней помощи. Ковригин в два прыжка добрался до Глазкина, наган вырвал, Аряшкина в сторону оттолкнул, потащил его к берегу, голову вздумал ему остудить, но вырвался тот – здоров бугай и злой, как чёрт.

– Не лапай, не баба! – выматерился в сердцах, кинулся к ответственному секретарю. – Василий Петрович! Сделайте паразиту укорот! Я не посмотрю, что прокурор, что с револьвером, лопатой так хвачу... Пусть потом судят!

– Чего это у них? – вскинув лишь голову, мутными глазами заморгал Странников на Ковригина.

– Бабу не поделили, – сплюнул тот, пряча в карман прокурорский наган.

– И тот палить вздумал? – нахмурился Странников.

– Всю обойму выпустил.

– Вот дурак...

– Василий Петрович! – чуть не плача, подступил райкомвод. – Я ему не мальчишка! Ему что, другой бабы не приготовлено? Не гожа та, пусть рыжую вон забирает. Зачем до моей лезть?

– Дураки оба, – заплетаясь языком, с чувством резюмировал секретарь. – Нашли повод для драки! Мы на пороге, можно сказать, свершившийся трагедии... Спасать людей надо... Вода заливает народное добро... И эти члены моего штаба!.. Ну-ка, Жорик, помоги мне...

Поддерживаемый Ковригиным, Странников с трудом поднялся, принялся было отжимать воду с одежды, но махнул рукой и побрёл к костру. Раскачиваясь, постоял над Глазкинским, хлебавшим уху прямо из общего котла как ни в чём не бывало, подхватил рукой Аряшкина за спину и толкнул его к Глазкину.

– Целуйтесь! – скомандовал тоном, не допускающим никаких возражений. – Целуйтесь и выпьем за нашу общую победу над стихией. Так?

Те полезли друг к другу целоваться. Он похлопал обоих по плечам, сдвинул лбами, а Ковригин тут же наполнил рюмки и подал всем одну за другой.

Райкомвод ещё недовольно мурзился, однако Ковригин упёрся плечом сзади, и тот выпил со всеми, после чего снова полез целоваться с замгубпрокурора.

До этого момента Ковригин все эти события помнил хорошо, а вот остальное всплывало в памяти урывками.

Первым успокоился, будто подавая команду, полез в свою палатку Странников с машинистой. Глазкин ещё манежился, грустил у костра, наливая водки ещё, пил один и, похлёбывая уху, поглядывал на длинноногую исподтишка, но Аряшкин был начеку и увёл её за собой к костру, где располагались мотористы. Поговорив с ними об утренних планах, назначив на вахту первого, он пропал вместе с подругой в другой палатке. Ковригин успокоился, подошёл к Глазкину, напомнил тому, что наган отдаст утром – ответственный секретарь так приказал. Глазкин в ответ налил в гранёный стакан водки, подал ему в знак примирения, они выпили, и прокурор полез целоваться к нему...

Больше, как ни напрягал память Ковригин, ничего вспомнить не мог.

«Так кто же у меня под боком ночью оказался? – забеспокоился он и потянулся к брезенту. – Баба какая-то растребушила его среди сна, жаркие руки и поцелуи он смутно ощущал на своём теле... А какая ж из них? Пятой-то вроде не было...»

Из-под откинутого брезента глянулось ему лицо хохотушки Феклистовой, той самой Эльзы или Элоизы, которая – не мог он забыть, своими глазами видел – сама затаскивала ответственного секретаря вчера к ночи в палатку!..

– Вот сука! – выругался Ковригин, вытаращив глаза. – Она же меня под монастырь подведёт...

– Егор Иванович! – позвал его кто-то издали.

Он испуганно оглянулся, загораживая женщину телом. Аряшкин махал ему рукой от прибитого водой костра, где суетились в дыму мотористы.

– Не подойдёте к нам? – райкомвод выглядел трезвым и собирался направиться к нему. – Дело есть.

– Сейчас! – замахал рукой Ковригин. – Сейчас подгребу. Накину на себя что-нибудь.

Хмель слетел с него разом, лишь только он представил, как Аряшкин застучает его с потаскушкой, забравшейся к нему в постель. Убедившись, что райкомвод занялся своими заботами, он встряхнул за плечи спящую женщину так, что та сразу вытаращила перепуганные глазища.

– Ты что творишь, сволочь? – впился он в неё, весь дрожа, только не кусаясь. – Сгубить задумала и меня, и себя?!

– Жора?.. – обмерла та, побледнев и слабо соображая.

– Отведу сейчас к Василию Петровичу и сдам как шлюшку. Скажу: только что приползла. Он тебя у берега и притопит!

– Жорик! – вскрикнула она, уже вполне натурально пугаясь. – Быстро же ты забыл...

– Беги, дура! – тряхнул он её сильнее и попытался вытащить. – Втихаря беги, пока спят все! Да лезь к нему, если и проснулся. Соври, что по нужде бегала. А я к Аряшкину сейчас. Прикрою, чтоб не заметил.

Он поднялся, накинул пиджак на плечи, проверяя, на месте ли наган Глазкина, не торопясь, зашагал от палатки, оглянувшись:

– Да смотри у меня!..

Но женщины уже не было, лишь шевельнулся полог палатки ответственного секретаря.

– Жора! – встретил его озабоченный райкомвод. – Не помнишь случаем, секретарь райкома товарищ Кудрявцев обещал нас нагнать?.. Или они с Василием Петровичем договорились иначе? Что-то нет его долго. По моим расчётам он должен был ещё вчера к вечеру заявиться и с нами заночевать. Сегодня нам – кровь из носа – добраться до места. Народ ждать должен. Василий Петрович митинг задумал. Речь держать будет, людей зажечь.

– При такой буре плыть вообще нельзя, – сплюнул Ковригин. – Перевернёт обе лодки – и ищи-свищи тогда нас на дне.

– Ждут там, – помрачнел Аряшкин. – Оружие просил председатель их тройки. Обещал я.

– Это вы, Михаил Петрович, у самого Странникова спросите, – отвернулся Ковригин.

– Ну как же? Вы у него, считай, правая рука, – райкомвод так и поедал глазами Ковригина. – Вчерась как он вас представил? Высока планочка!

– Какая ещё планочка? – смутился тот, всё ещё не отойдя от недавних переживаний. – Правая, левая – не знаю. Оружием у нас товарищ Турин командует.

– Турин там, а вы здесь, – подсластил райкомвод. – Хулигана вчера у всех на глазах осадил. Наганчик-то как выбили! Прокурор чуть в кусты не улетел.

– Вы тоже хороши, – буркнул Ковригин. – Таковую бучу поднять из-за пустяшной бабы...

– Я извинюсь перед Павлом Тимофеевичем, – смутился райкомвод. – Он отходчивый. Мы вчера ещё расцеловались.

– Помните?

– Ну а как же...

– То вчера. Глазкин – он тоже памятливым на такие штучки.

– Она же у меня главбухом, – начал оправдываться Аряшкин. – И замужем к тому же. Двое деток. Общественная нагрузка у неё, профсоюзом командует, как же на глазах-то позволять?..

«А спала-то у тебя в палатке, – метнул взгляд на райкомвода Ковригин, – думаешь, по пьянке никто не заметил?»

Но промолчал, только хмыкнул.

– Да он небось и забыл всё? – с надеждой заглядывая в глаза Ковригину, не отставал Аряшкин. – Выпили-то сколько! Он ещё один сидел... С наганом у него часто такое бывает. Мне уже приходилось наблюдать. Это вам – первый раз. Как через меру хлебнёт – за наган и орать: посажу, перестреляю! Водка...

– Ну, миритесь, раз так, – отвернулся Ковригин в сторону палатки Странникова. – Василий Петрович тоже особо не обратил внимания. Стошнило, не до этого было.

В палатке секретаря губкома всё было спокойно, только ветер пытался порвать натянутые верёвки, да выдернуть колышки из земли, однако держалось до поры до времени всё крепко.

– Спят ещё, – проследил за его взглядом Аряшкин. – Пусть отдыхают, в такой ливень куда плыть? К обеду, думаю, растащит ветер тучи, отпустит погода. А там и товарищ Кудрявцев подоспеет. Образуется!

– Подождём, – зашагал к своей палатке Ковригин. – Пойду и я к себе.

– Куда ж вы один? – бросился за ним райкомвод, махнул рукой мотористам. – Ребятки! А ну-ка помогите Егору Ивановичу палатку наладить! Отдохнуть надо человеку.

К полудню действительно улеглась стихия, подоспел и Кудрявцев с топливом и продуктами, но дальше плыть не заладилось, Странников дал команду опохмелиться, послать разведку на завод предупредить, и заночевали они там же, чтобы утром плыть до конечной цели.

II

Спешил, сбежался народ на митинг, криками подгоняли опаздывающих спецы. Опытные постарше первыми подыскивали удобные места на кучах щебня, камней, песка и строительного мусора, которых в заводском дворе теперь хватало. Находились смельчаки забраться повыше, оседлали мешки с песком на заградительном валу, не страшась разбушевавшегося ветра. Лениво перекидываясь остротами, посмеивались над суетившимися внизу, наслаждались возможностью спокойно покурить. Зазевавшиеся помоложе пристраивались под столбами с болтавшимися электрическими проводами, отирались у деревянных подпорок, поглядывая наверх, подзадоривая друг дружку, пытаются влезть. Бабы ахали пугливо, ругались, стаскивали за рубахи отчаянных, а из толпы, уже жаждущей зрелищ и томящейся вынужденным бездельем, подхлестывали шальных на разные голоса:

- Пашка! Лезь, не глотай сопли!
 - Генка! Гни ему спину! Со спины удобней!
 - Задницы отобьёте, жеребцы!
 - Задницы-то ладно! Они у них железные! А вот что поважней всмятку треснет, это да!
 - А что важней?
 - А то и важней! Его и лишатся! Тогда уж точно от баб на забор придётся лезть!
- И общий хохот красил щёки молодцам.

От неожиданных минут отдыха люди, трудившиеся весь день на укреплении береговых сооружений завода, теперь потешились без злости, разглядывая понаехавшее начальство, сплетничали, перемывая гостям косточки, не зная, чем заняться. Нелепую заминку и дружное веселье вызвал споткнувшийся ненароком и кувыркнувшийся в пыли кругленький от заметного живота толстячок, инженер Херувимчик. Маленький, аккуратненький, в тёмной тройке и при галстукe, он суетился перед огромной трибуной, сколоченной наспех и теперь устанавливаемой под его командой на дощатом настиле посреди двора двумя здоровяками рабочими. Забегая то с одной, то с другой стороны, толстячок рукой крутил в воздухе виражи и тонким, визгливым голоском понукал затурканных им бедняг, которым к тому же мешала девица в синем платке и с красным покрывалом, мельтеша у них перед глазами и пытаясь набросить покрывало на трибуну, до которой с трудом сама дотягивалась. Снизу её всё время окликали, тянули графин с водой и стаканами еще помощницы.

Кончилось плачевно, Херувимчик оступился, завертелся на земле, вырвал ветер из его беспомощных рук листки бумаги и, разметав, совсем издеваясь, забросил вверх, аж к тем, которые пытались словить их на валу, да не тут-то было. И погнал их расхулиганившийся буян в волны речки, настойчиво и коварно подбирающейся к заводу. А с вала беззаботно несло:

- Улетел твой доклад, Василий Карпыч!
- Как критиковать нас будешь?
- Крыть-то нечем!
- Матом, матом их крой! Чтоб до кишок пробирало!
- Карпыч-то? Он и слов таких не знает!
- Учиться у народа надо!

И хохотали снова передние ряды, а с ними и все, кто бездельничал.

Привыкший ко всякому от этого весёлого народа, Херувимчик, несколько не конфузясь, посидел в пыли, огорчённый, с одним оставшимся листком, сплюнул с досады, выбросил и его, ругнулся без злости, будто клятву давал:

- Я вот выдам некоторым! Поржёте у меня... Без мата достану до нутра!
- Так их, Карпыч! Крой! – гоготали в ответ.

– Здоровая обстановка у тебя в коллективе, – нагнулся Станников к директору.

Тот, тоже низковатого роста, встал на цыпочки, пытаясь достать до плеча ответственного секретаря:

– Что?

– Боевая атмосфера, говорю! – крикнул Станников и махнул рукой членам чрезвычайной комиссии, державшимся несколько поодаль. – Иван Григорьевич! Ты – власть, тебе открывать.

– Вы – председатель тройки, Василий Петрович! – долговязый и костлявый Сергиенко, заместитель председателя губисполкома, отбиваясь, затряс обеими сухими ручками, поджав их к впалой груди, запорожского вида усы обвисли, бескровная лошадиная физиономия его вытянулась ещё более. – Как же? Вам – по рангу!

Станников, особо не протестуя, перевёл глаза на грузного Трубкина, начальника ОГПУ, хмуро наблюдавшего за развеселившейся у трибуны публикой.

– Пока нет надобности, – поджал губы тот, – хотя... Не нравится мне вся эта клоунада и инженер этот. Тю-тю доклад-то... А что в докладе? – повернулся он к директору завода. – Почему доверили ему выступать?

Директор посерел, с цыпочек вниз опустил.

– Проверяли мои ребятки, что он там нацарапал?

– Призывы... призывы одни, – промямлил наконец директор.

– Призывы – ладно, схем сооружений не рисовал?

– Да что уж ты, Яковлевич! – хмыкнул Станников. – Зачем ему схемы на митинг? Он их и без того наизусть знает. Доверять надо нашим спецам, а Херувимчику особенно. Спроси у Сергиенко, инженер этот, не смотри что коротышка, на Стрелке валы укреплял. Большой дока по этой части.

– Докладывали мои, – буркнул тот. – Не имел возможности лично познакомиться.

– Вот и знакомься, – насупил брови ответственный секретарь. – Только в контору свою не тащи, он на валах каждый час нужен. Бери пример с нас. – Станников отыскал глазами замгубпрокурора с райкомводом, застоявшихся за спиной Сергиенко, – Почти все береговые укрепления города объехали по воде. Своими глазами прорехи видели. Людей встряхнули. Бюрократия, она в таких делах вредней паники!

– Работаем и днём, и ночью, товарищ ответственный секретарь губкома! – дёрнулся, пятясь назад, не ожидавший укора Трубкин. – Я лично дополню доклад, если появятся замечания.

– Нет уж, Григорий Яковлевич! – совсем полыхнул плохо скрываемым гневом Станников. – Ты к народу приехал! Есть что – выкладывай сразу, а за мной подтирать не позволю!

Станников, не отошедший ещё от многосуточного пребывания за городом, плаванья на моторных лодках по вздувшейся, крушащей берега реке, похмелился с Глазкиным и Аряшкиным на причале завода, где встречал их хлебосольный директор, и открытая заносчивость, верхоплюйство Трубкина, которого он не переваривал, в этот раз взвинтили его не на шутку. Члены комиссии, прибывшие на митинг по суше на машинах, притихли, затаились в ожидании сиюминутной грозы. Но Станников крикнул, выхватил трубку из кармана, сунул в рот, а, опомнившись, хлопнул ею в кулак, развернулся и стремительно шагнул к настилу.

Оттеснив всех, бросился за ним Глазкин. Застывшего в замешательстве начальника ОГПУ больше обойти никто не решался. Толпились, переминаясь с ноги на ногу за его громоздкой поникшей спиной. Уже запрыгнув на настил, Станников в развивающемся на ветру расстёгнутом пиджаке, с взлохмаченными волосами ворвался на трибуну и взмахом руки невольно заставил собравшихся задохнуться от восторга, повскакать с мест и напрячь глотки. Кричали разное, не задумываясь. Это был общий суматошный, нервный порыв.

Больше звучали «Ура!» и «Даёшь Волгу!», но выкрикивалась уже и его фамилия, а Странников зажёл трубку, задымил, облокотившись, и, отставив её в сторону в согнутой руке, заговорил:

– Товарищи! Стихия не прощает разгильдяйства! Терять время на пустяки – смерти подобно! Открываю митинг!

– Ура! – подхватили сотни плотов.

Возвратившись из Москвы, Странников почему-то забросил папиросы и завёл трубку, похожую на ту, что не выпускал из рук его кумир в кремлёвском кабинете. Приметил, как магически действовала она на окружающих. Знакомая по портретам короткая простая трубка рождала известные ассоциации, создавала соответствующую атмосферу, меняла тон голосов собеседников и даже цвет их лиц.

Поступок быстро обратился в привычку, и он уже не замечал, что трубка постоянно мелькала в его руках. Отметил он теперь, как подействовала она на начальника ОГПУ, и намеренно закончил разговор с ним на повышенном тоне, хотя раньше старался не позволять себе этого, в каком бы состоянии ни был.

Между тем подтянулся к трибуне Сергиенко, и ответственный секретарь предоставил ему слово. Вне своего кабинета и стола говорить тот не умел, мямлил и глотал окончания слов, терялся от этого ещё больше и, наконец, совсем смутившись, попытался открыть пухлую кожаную папку, набитую бумагами.

– Товарищи!.. – беспомощно посмотрел он на Странникова. – Я зачитаю последние приказы чрезвычайной тройки и решения губисполкома. Думаю, вам сразу станет понятно, в какое отчаянное положение загнала нас вода.

– Неправда! – вскричал, перебив его Странников, и грубо оттолкнул плечом. – Это мы загоним стихию в угол! А приказы?.. Что их читать?.. Этой вот рукой они и писаны!

И он взгромоздился над трибуной и над толпой кулак с зажатой в ней трубкой. Слова его утонули во взрыве смеха и в возгласах одобрения. И теперь прервать его не мог поднявшийся шум:

– Товарищи! Сейчас, когда бешеная стихия, опрокинув все прогнозы учёных и специалистов, собралась припереть нас к стенке, грозя таким уровнем паводка, какого не наблюдалось последние двадцать лет и не вспомнят седые старожилы, перед нами в штабе по наводнению встали два варианта решения главной задачи...

Пауза заставила притихнуть собравшихся. Посвистывал и гудел тревогою лишь ветер в проводах.

– Не распыляя сил и средств, заваловаться на пять-шесть вёрст и свезти туда главнейшие механизмы, оборудование, ценности, документы учреждений. Это первый вариант...

Он опять приостановился, ожидая реакции, но народ молчал, насторожившись. Не торопясь сделал затяжку-другую, выпустил дым, прищурился, всматриваясь, будто выискивая подозрительных в толпе. Люди невольно жались, пытались спрятаться, опускали головы, ни в чём не виновные, чуя неладное.

– Или, бросив на оборону все средства и силы, отстаивать от стихии весь город?

Вскрикнув, не выдержала, обмякла женщина, закрыв лицо руками. На неё не обратили внимание. Ждали, замерев.

– Мы выбрали единственно верный вариант – защищать весь город! Он должен жить вместе с нами. В Гражданскую спасли его от врага, отстоим и от стихии!

Голос утонул в возгласах одобрения. Когда поутихло, Странников заговорил проникновенно и негромко, заставляя замолчать всех, чтобы слушали его одного:

– Клянусь вместе с вами, друзья мои, и обязуюсь – другому не быть!

Словно умерло всё вокруг, такая наступила вдруг тишина, но поднялся инженер Херувимчик, одёрнул дрожащими руками запыхавшуюся свою тройку и запел не в такт и хрипло, смущаясь своего голоса:

– Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!..

И песню подхватили.

«Вот пьянь поганая! – поправляя пенсне, шевелил губами Трубкин, уставясь на покуривавшего трубку ответственного секретаря. – Где и кто научил его так говорить и зажигать чернь? Небось не верит ни во что, кроме баб, водки и власти над этими червями под своими ногами. Никого не признаёт. Но каков говорун! Скажет им сейчас – убей отца, мать родную, и ведь не ослушаются, словно под гипнозом пойдут и убьют!.. Успевает везде латать прорехи... Не схватить его, не удавить! А то бы так и вцепился в глотку поганую!..»

– Григорий Яковлевич! – ойкнул рядом перекосившийся от боли Сергиенко, стараясь вырвать у него свою руку. – Вы мне кость сломаете!

– Фу ты, чёрт! – выругался Трубкин и разжал пальцы. – Расчувствовался от речей Василия Петровича... Умеет говорить секретарь!

Не удержавшись, очутился на трибуне директор, заверил всех членов чрезвычайной комиссии, что приложит все силы; понесло на речи райкомвода Аряшкина, долго и нудно благодарившего комиссию и в особенности её председателя за мудрую мысль мобилизовать весь флот и расставить пароходы, баржи и прочие судёнышки вдоль берега, защищая город от губительных вод; полез было к трибуне начальник гарнизона и охраны, но его опередил замгубпрокурора Глазкин, видя, что Странников подмаргивает ему, показывая скрещенные обе руки – хорош, мол.

– Я в виде справки, – всё же юркнул за трибуну прокурор и, перекрикивая подымавшийся шум, объявил: – В связи с введением в городе чрезвычайного положения от имени прокуратуры хочу предупредить, что лиц, использующих стихийную ситуацию для своих мерзких делишек, ждёт усиленное наказание!

Тут же наступила тишина. Зашикали на неугомонных и поглядывающих на выход.

– Кража, совершённая при наводнении, карается отсидкой не ниже двух лет с конфискацией, а вооружённый грабёж – расстрелом.

– У тебя всё? – спросил Странников.

– Всё, – дорвавшись до графина с водой, выглотал второй стакан тот и, облегчённо выдохнув, сбежал с трибуны.

– А от мародёров как спасаться? – закричали с мест, пробираясь поближе к настилу. – Вооружить бы население? Дружины создать?

– Дружины имеются, товарищи! – гаркнул начальник гарнизона и охраны, которому не дали слова. – Желающие могут записаться прямо сейчас у начальника заводской тройки.

– Троек понаделали, да что толку? Одна суета! – несло с мест.

– Чего врешь? – отвечали. – Оружие не выдают, вот беда!

– Их учить надо! Забыли, как стрелять!

– Вспомнят да палить начнут, что делать станешь?

– Тише, товарищи! – попробовал прервать перепалку Странников, поднял руку с трубкой вверх, но она уже загасла. – Вот видите, – при общем веселье выбил он её не спеша и сунул в карман. – Это знак. Будем заканчивать. Главное в нашем положении – дисциплина и никакой паники! Может, мы и перегибаем палку, но за нарушения, разгильдяйство и неисполнение приказов тройки виновных будут карать по законам военного времени. Наш город теперь – сплошная линия фронта!

Он сверкнул глазами, помолчал, усмехнулся:

– А с тройками действительно того... Их получилось больше, чем необходимо, но дело поправимое. Сократим, а освободившимся – лопаты в руки! Но те, кому положено, будут вооружены. Об этом лично позабочусь. Город отстоим. Это я вам заявляю, ответственный секретарь губкома Странников!

III

После встряски у Берздина откладывать дело зама в долгий ящик становилось смертельно опасным. Понимая всю исключительность ситуации, добирался губпрокурор Арёл из Саратова в тонушую губернию паровозом, пароходами и другими попутными средствами, мучился, не переставая, раздумывал, как поступить: ведь оказался он, как в народе говорят, – между молотом и наковальней.

С одной стороны, Странников – ответственный секретарь губкома, портить отношения с которым всё равно, что уподобиться беспечному тупице и совать голову в пасть льву. С другой – коварный крайпрокурор, хотя открыто и намекнувший на известную опасность наводить тень на Странникова, имевшего крепкие связи в столице, однако недвусмысленно пригрозивший скорой проверкой, ждать от которой хорошего было бы не меньшим безумием.

Так и не найдя выхода, но добравшись наконец поздним вечером в родные места, побрёл губпрокурор грязный и уставший прямо с дороги в прокуратуру, кивнул дежурному, открывшему двери, поднялся в кабинет на второй этаж, забросил в угол походный портфель и открыл сейф.

Семьёй он так и не обзавёлся, к баловству тоже склонности не имел, жил один, не держа и домохозяйки, поэтому нередко оставался ночевать здесь же, в маленьком кабинете, засыпая на стульях или укладываясь прямо на полу перед рабочим столом, бросив под себя выдавшую виды шинель. Неприхотливость в быту и одиночество в жизни – известное преимущество, чем губпрокурор дорожил. Берёг он в себе ещё одно качество, так и не заимев привычки запивать беды и неудачи спиртным, поэтому достал из сейфа наган, зло блеснувший вороненой сталью, положил перед собой на стол и не спеша закурил.

Не подводил его этот суровый товарищ ни в одной фронтовой передрыге, много лет прошло с той военной поры, не подведёт и теперь, если вдруг понадобится. Так просто он, выдавший и худшее боевой командир, не сдаст жизнь несправедному противнику, позорному судилищу и расправе предпочтёт бессловесную пулю...

Тут, за столом, и сморило губпрокурора, сложившего на руки измученную тревожными думами голову.

А утром, которое, известное дело, вечера мудренее, лишь начался рабочий день, вызвал Арёл к себе на серьёзный разговор следователя Джанерти, больше русского, нежели иностранца, хотя и с итальянской фамилией. Надёжней и способней сотрудника он не знал, его и выбрал довериться.

Джанерти не надо было в деталях всего расписывать, он схватывал на лету и понимал с полуслова. При имени зама чёрные проницательные глаза его, до этого безучастно тускневшие, вскинулись на губпрокурора и ярко сверкнули, однако лишь на мгновение, и спрятались под длинными, словно женскими, ресницами. Чертовским красавчиком, видно, слыл предок итальяшки, неизвестно за каким дьяволом ещё при царе Петре перекочевавший в Россию, думалось губпрокурору. Может быть, приспичило удирать от верного кинжала в спину или чаши с ядом?... Ещё в давние гимназические годы, увлекаясь историей, прознал юный Арёл про порочную и скандально прославившуюся коварством династию Борджиа, отравивших едва не всю знать средневековой страны. С тех пор и считал итальянцев способными лишь на зловердные интриги и заговоры. Прав был или заблуждался, однако Джанерти до прокуратуры работал агентом в уголовном розыске, прославился как раз тонким чутьём и умением распутывать хитрые и тёмные делишки нэпманов, торговцев-миллионщиков, запуская руки в карман молодого пролетарского государства, только-только неумело налаживавшего экономику. За профессиональные способности предшественник Арла губпрокурор Вронский переманил Джанерти в прокуратуру следователем и не ошибся. Личное дело итальянца,

которое от корки до корки изучил дотошный Арёл, сев в освободившееся грозное кресло, пестрело благодарностями за умелое разоблачение махинаций всевозможных ловкачей и прохиндеев от мала до велика: известный рыбопромышленник Кошкин открывал галерею расстрелянных за крупные хищения, далее следовали торговые дельцы братья Соловьёвы, прозванные за особую наглость и размах Соловьями-разбойниками, тихушник ювелирторга Иосиф Крамер, забиравшийся в недра хранилищ ценностей и орудовавший безнаказанно несколько лет, и прочие, прочие, прочие... хищники поменьше, пытавшиеся поживиться пролетарским добром. Взятчиков и взяточдателей Джанерти знал как свои пять пальцев, относился к ним с пониманием пастыря, стерегущего до поры до времени своих овечек, погрязших в грехе и без розовых надежд на скорое исправление, той же монетой платили ему и те: выйдя после отсидки, смущённо кланялись за версту и ныряли в ближайшую подворотню, стараясь больше не попадаться на глаза.

Но были господа мозговитей и понаглей. Кляня для видимости свои прежние заблуждения, объявляя о горячем желании начать праведную жизнь, они проникали в различные околохозяйственные липовые организации – союзы, кооперации, конвенции, федерации или тресты, в бесчисленном множестве создаваемые в хаосе зарождающихся экономических экспериментов, и процветали трутнями, формально не нарушая закона. Наиболее яркой фигурой среди таких махинаторов выделялся Лев Наумович Узилевский, или попросту Лёвка, он орудовал в среде рыбопромышленников. В области торговли маячила зловещая тень Макса, так среди своих величали Максима Яновича Гладченко.

«Подкупать аппарат молодой, энергично набирающей обороты, такой неведомой ранее всему миру машины, которая к тому же имела смелость объявить себя государством рабочих, довольно тонкое искусство, – любил повторять Гладченко в кругу собратьев по махинациям, персоной грата¹ проникая в среду чиновников любого ведомства и вращаясь там, словно сыр в масле. – Здесь необходим особый подход. Безболезненно и без уголовных последствий для себя и своих пациентов способны на это единицы. Среди них я первый».

Этих двух незаурядных личностей Джанерти сразу обозначил губпрокурору.

– Они знают всё, что может вас интересовать в отношении Глазкина, – вымолвил следователь, небрежно покуривая сигару на иностранный манер. – Но для работы с ними я бы попросил для себя особых полномочий и в некоторой степени помощи службы Турина.

– А вы сами успели его забыть? – поинтересовался Арёл, намекая на прежние связи.

– Ваша просьба обязывает, – поднял брови Джанерти.

– Извините. Я бы не хотел его посвящать в наши планы, – резко обозначил губпрокурор, но видя, как изменилось лицо следователя, поправился: – Исключительно в интересах особой секретности поручения...

– Мне кажется, вы заблуждаетесь. Турин не тот человек.

– Что вы имеете в виду?

– Если кто-то из известного контингента осмелился запустить наверх маляву на такую личность в городе, как наш Глазкин, значит, у Турина имеются данные по этому поводу... Он посвящён во все козни такого рода.

– Почему же скрывает? Не даёт хода?.. Это же преступление по службе!

– Прячет или держит до поры до времени, – поморщился Джанерти. – Не ищите здесь злого умысла или чего страшного. По команде он выложит всё, личной заинтересованности он не имеет, у него своя метода.

Арёл оценил намёк следователя:

– Тогда не проще вам самому с ним пообщаться?

¹ Буквально: желанная личность, пользующаяся особым расположением.

– Нет. Он мне ничего не скажет, – лицо следователя окутало непроницаемое облачко дыма. – Я изучил его тактику за то время, что посчастливилось работать под его началом. Извините покорно, но это опасная игра, а опытные игроки козырями не швыряются, если на кон поставлено всё.

– И это говорите мне вы?

– Именно, потому что доверяю вам, как, надеюсь, и вы мне. Доподлинно понимаю критическую ситуацию, в которой вы оказались. И искренне желаю вам помочь.

– Чем обязан, простите? – поморщился Арёл. – Мы с вами друг друга не так хорошо знаем.

– Я привык искать истину, а не выгоду, – привстал в кресле Джанерти и поклонился. – К тому же вы порядочный человек, а Глазкин – мразь. Я удивляюсь, что вы так поздно это разглядели.

«Разглядел!.. Он явно переоценил мои достоинства в этом деле. Правильнее будет – проглядел!» – мелькнуло в голове губпрокурора. Смутившись, он спросил:

– Но как только я обращусь к Турину за материалами, станут ясными мои намерения?

– Вам не следует этого делать, – категорически перебил его следователь.

– Вы только что сами заявляли об этом! – с покрасневшим лицом, Арёл не помня себя едва сдержался от брани.

– Вы заблуждаетесь, Макар Захарович, – тихо, произнёс Джанерти. – Мне достаточно вашего разрешения на контакты с определённой категорией лиц. Ваше слово – и больше ничего.

– Вы собираетесь работать с людьми Турина без его ведома?

Джанерти покачал головой, задымил сигару и снова окутался облаком дыма, будто специально пряча лицо в поисках ответа.

«Вот чёртов итальяшка! Весь себе на уме... – разбирало губпрокурора. – Но куда деться? Ему всё известно наперёд. И то, что Глазкина за какие-то заслуги покрывает Странников, он знает тоже. Они здесь спелись все, а меня, чужака, держат за идиота!»

– Я воспользуюсь услугами и мерзких людей, – вместе с голосом возник и сам следователь в рассеянном облаке дыма. – Против такого противника, как Глазкин, все средства оправданы.

«Нет ли меж ними личной неприязни? – забеспокоился Арёл. – Наворотит, а я попаду из огня да в пламя...»

– Не сомневайтесь, – будто читал его мысли Джанерти. – Лично мне Глазкин обид не причинил, но нашему делу он вреден.

– Вы правы... Однако мне хотелось бы быть в курсе всех ваших действий.

Джанерти грустно улыбнулся:

– Мне представляется, вам важнее результат. К чему вам копаться в грязи, она так прилипчива к чистой обуви?

Губпрокурора заметно смутила откровенная тирада.

– Ну ладно, – помолчав, буркнул он и обмяк. – Рамки закона вам известны. Материалы, что были собраны мною, оставил у себя Берздин. Мне вам дать нечего. Исходите из того, что я рассказал.

– Пик наводнения ожидается со дня на день... – Джанерти уже думал о своём.

– Да. У вас в лучшем случае неделя, ну полторы от силы.

– Уйма времени...

– Торопитесь... Я не знаю, чем вам помочь. К тому же вынужден огорчить: автор заявления при дополнительном опросе отказался от всего.

– Вот так, значит?

– Явно, на него оказано давление.

- Он жив?
- Что?
- Я говорю, нет ничего лучше, как начинать с чистого лица, – улыбнулся Джанерти.

IV

Ещё на митинге, запомнив выкрики, Странников озадачил Сергиенко подготовкой проектов соответствующих приказов и распоряжений тройки, и тот, задействовав Юсакова и машинисток, бодрствовал за полночь, добросовестно исполняя указания. Ему было не впервой оставаться ночевать в кабинете, к этому режиму привык и его аппарат, каждый давно оборудовал рабочее место под внезапный ночлег.

С рассветом, приняв дежурного чая, на свежую голову, Сергиенко шлифовал редакцию подготовленных документов, но расслабляться не думал. Предстоял не менее сложный момент подписания бумаг у ответственного секретаря и начальника ОГПУ. Дело в том, что Странников и Трубкин вносили множество поправок, словно старались переусердствовать друг друга. На людях не выказывая чувств, они проявляли гадость на бумаге, скрывая тайну от посторонних глаз.

Чего больше было между ними? Скрытой ненависти и взаимного подозрения, родившихся неизвестно когда и почему? Зависти и презрения?.. Симпатий не наблюдалось никогда.

Даже в чрезвычайной тройке – в штабе по борьбе с наводнением, по существу, в крохотном коллективе, призванном днём и ночью организовывать огромную по масштабам работу на территории всей губернии, держались чужаками. Виделось это невооружённым глазом, уже в первом приказе, который долго попеременно правили оба, значилось:

...Для связи с губернской чрезвычайной тройкой по вопросам, требующим принятия решительных мер, обращаться по телефонам:

Предкомиссии т. Странникову: служ. тел. 10, дом. 2–96;

Члену комиссии т. Трубкину: служ. тел. 5–01, коммутатор ОГПУ;

Члену комиссии т. Сергиенко: служ. тел. 5–06, дом. 3–32;

Секретарю т. Юсакову: служ. 5–61, кв. 2–02.

Также порознь готовились и документы. Писал их Сергиенко, на которого как-то само собой свалилась эта тяжкая ноша. После получения задания он садился корпеть над проектами приказов, распоряжений, указаний и других важных бумаг. Затем согласовывал их с членами, а в заключение бегал ловить начальников – подписывать. Когда не удавалось, перепоручал Юсакову, но поступал так редко – обоим не нравилось общаться с секретарём штаба.

– Мечусь, как древние греки между Сциллой и Харибдой², – отдуваясь, жаловался долговязый Сергиенко своему непосредственному начальству председателю губисполкома Арестову, которому одному открывал душу в редкие минуты затишья на фронте вечной суматошной занятости. – Не могу угадать, какая кошка между ними пробежала?

Сергиенко в далёкой юности начинал учителем и порой злоупотреблял заумными суждениями и сравнениями, ставя в тупик окружающий аппаратный контингент в основном пролетарского образования. Однако мудрого Арестова это не касалось, потому что мудрый Арестов понимал и знал всё, усмехаясь в свои чёрные, как смоль, казацкие усы:

– Ревность между ними пробежала великая...

– К бабе? – ахал хохол.

– К бабе, к бабе, – шурился довольный собой председатель. – Только прозывается та баба властью. Соображаешь?

² В греческой мифологии – два чудовища, находиться между которыми означает подвергать себя двойной опасности.

И Сергиенко тарашил глаза, в который раз поражаясь прозорливостью начальства, как его собственную голову не посетила столь очевидная разгадка!

А ведь лежала на поверхности, всё действительно заключалось в этом.

Прародительницей Главного политического управления была Всероссийская чрезвычайная комиссия с её органами на местах – самый грозный и беспощадный карательный государственный орган. Сергиенко приходилось слышать страшные подробности о работе одного из председателей ЧК в 1919 году: люди прятались в подворотни, опасаясь угодить ему на глаза, когда, побрякивая маузером по боку, бородатый, тщедушный и страдающий тяжкой болезнью, брёл он по улицам города, шаря вокруг ненасытными глазами, словно вампир, алчущий человеческой крови. Боясь близкого конца, каждую ночь сам приговаривал к смерти попавших в лапы, лишив жизни за четыре месяца своего короткого правления не одну сотню людей...

Создаваемые на заре советской власти чрезвычайные комиссии призваны были вести борьбу с контрреволюционным саботажем, формировались региональными партийными и местными органами власти из зарекомендовавших себя ещё в подполье известных большевиков, естественно – им были подчинены и подконтрольны, а также ограничены в правах. Но длилось это недолго. Дзержинский, вскоре возглавивший ВЧК, при поддержке Ленина быстро прибрал всю власть к рукам, переподчинив управление себе и перестроив, введя в практику направлять на места для руководства своих людей, непосредственно подчиняющихся только ему, и наделяя их неограниченными полномочиями. Пальцем теперь не могли тронуть чекиста ни региональный секретарь партии, ни председатель соответствующего совета! Ему же удалось значительно расширить функции и полномочия ЧК и их руководителей, получивших право бесконтрольно вести агентурную работу против любого, негласно подслушивая и отслеживая, заводить дела, производить обыски и аресты. Требовались лишь подпись и печать местного начальника. Вершилось и главное беззаконие, выносились несудебные решения вплоть до расстрела.

Очевидный беспредел не мог не вызвать недовольства мирного населения, а порой приводил к открытым стихийным противодействиям и вооружённым выступлениям.

Сергиенко было известно, что Арестов тем и прославился, когда в 19-м году, будучи командиром преданных ему бойцов Железной гвардии, рискуя собственной головой, взял под стражу зарвавшегося чекиста, присланного с Кавказа, и предал бы его суду за злодейства, не защиты того Киров с Дзержинским.

В стране случаев подобного рода было немало: в 1920 году вынуждены были расстрелять пятерых сотрудников Николаевского Губчека за коррупцию, взяточничество и другие должностные преступления, четверых екатеринославских чекистов – за шантаж и вымогательство...

Однако ни один пример не был обнародован, как и тот позорный случай в их городе, наоборот, постарались забыть, изобразить события в ином свете, а на тех, кто вспоминал, недобро косились.

Но расстреливать по ночам так и продолжали, пообещав опубликовать списки в газете «Коммунист»...

Если в первое время советской власти Ленина не пугали неограниченные полномочия органов ВЧК, то рост репрессий, увеличивающийся с каждым годом, заставлял задумываться. Щупальца спрута, руководимого Дзержинским, не знавшего пощады, всё глубже проникали во власть, добирались до самих партийных деятелей – прародителей монстра, творя бесчинства и наводя ужас. Это подтолкнуло Ильича активно поддержать инициативу члена Политбюро РКП(б) Каменева о сужении полномочий ВЧК, Ленин даже отклонил скороспелый проект, не только не реорганизуя комиссию, но и не менявший её названия. Но большего сделать не смог даже он. Процесс оказался необратимым, с монстром нельзя

было покончить либеральными и гласными средствами. Требовалась секира, но к тому времени Сталин ещё не окреп.

В очередном проекте, полностью политическом, комиссию, конечно, переименовали... в ГПУ, сохранив и приумножив кадры, расширив функции, а скоро наделили и правом на расстрелы без законного правосудия.

Вот о чём знал и всегда помнил Арестов, вразумляя своего заместителя: сам же он старался забыть свои легкомысленные подвиги в молодые годы на заре взбаламутившей ему кровь революции, никому о них не рассказывал, тихо и мирно просиживал штаны в кабинете председателя губисполкома, с нетерпением выжидая момента убраться с глаз долой подальше, где б его никто не знал; вынашивал он и другую тайную мыслишку, а вдруг ненароком удастся взлететь высоко, стать совсем недостижимым... ежели, например, в столичный Кремль... А что?

Сергиенко же, покончив с бумагами и откушав чая, принялся за поиски обоих членов тройки, приказав секретарше прозвонить им в приёмные. Каково же было его удивление, когда доложили, что Станников у себя должен быть с минуты на минуту, так как назначил встречу начальнику ОГПУ, и Трубкин собственной персоной уже с полчаса дожидается в приёмной его прибытия.

«Вот момент, который больше может не представиться! Обоих враз и застану!...» – в горячах схватил папку с документами заместитель и уже готов был мчаться к дверям, но другая мысль остановила его.

Вспомнил он то самое едкое замечание мудрого своего начальника по поводу означенных лиц, собственные размышления, разбредившие душу во время чаепития, и, откинувшись на спинку кресла, крикнул, чтобы принесли новую чашку, только холодней. Остудиться вдруг захотелось и не без основания.

А Станников, задержавшийся в больнице, возвращался к себе. Хмуро кивнув поднявшемуся навстречу Трубкину, прошёл в кабинет, на ходу задымив трубку.

– Как сегодня вода? – бросил без выражения за плечо.

– Уровень ниже, – топал за ним Трубкин, нагнув голову, потя и поправляя спадающее на жирный нос пенсне.

– Думаешь, не повторится 31 мая? – резко развернулся секретарь, вдруг остановившись. – Не набросится, как в тот день, стихия, словно убийца из-за угла?

Трубкин отпрянул, чтобы не натолкнуться, промолчал.

– Пережил я те сутки тяжко, до сих пор в глазах брызги волн, рвущих наши валы. Не дай бог снова! – так и не дождавшись ответа, секретарь прошагал к столу, грохнулся в кресло всем телом, обмяк, перевёл дух. – Вчера на митинге не пугал народ особо, но остерёг, чтоб на расслабились. Вражина силы ещё имеет, чтобы тайно броситься. Ох, могуча стихия! А главное, ничего про неё доподлинно неизвестно, как про коварного врага! А?.. Что молчишь?

– Спадает вроде... – выговорил наконец начальник ОГПУ. – А может, и повторится всё... Вы ж правильно обозначили – стихия. Но мы начеку.

– Вот и я жду, – шумно выдохнув, окутался табачным дымом секретарь. – По ночам не спится, а повезёт со сном – кошмары допекают. Всё за спиной кто-то крадётся.

Станников разогнал дым рукой, впился глазами в Трубкина, словно тот его и мучил ночами, но помалкивал начальник ОГПУ, так и стоял навывтяжку, сам на себя не похож.

– Чем маешься? Знаешь что? Какая ещё зараза нагрязнула?

Трубкин, решившись, убрал с носа пенсне, завертел в руках папку – не поддавались тесёмки, выskalзывали из толстых коротких пальцев.

– Да брось ты её! – в сердцах не выдержал секретарь – С Таскаевым что-нибудь? Что топтуны да слухари твои проводили?

– Снял я с него наблюдение... – прорезался голос у Трубкина, побледнев, он икнул и выпалил: – Мейнца арестовали в Саратове.

– Что? Кого? Мейнца?!.. – Странникова так и подбросило на ноги. – Ты в своём уме?! Когда?

– Ночью. Телеграфом сообщили. Дежурный с постели меня поднял...

Странников дрогнул, словно его ударило в спину, обмяк в кресле, схватившись за голову, забормотал несвязно:

– Я ж в розыски пустился. Звоню туда – отбыл назад, отвечают... Из-за наводнения, думаю, где застрял... А значит...

– Секретным... спецтелеграфом поручение поступило, – затянул своё Трубкин. – Приказано провести обыск у него дома и по месту работы.

– В губкоме?! – конвульсии пробежали по лицу секретаря.

– Деталей мало сообщили... Взяли их с Венокуровой...

– С Катькой?! – в большом удивлении вскинул глаза Странников.

– На явочной квартире обоих и накрыли перед самым отъездом. Всю троцкистскую банду.

– Сволочи!.. – будто очнулся от оцепенения секретарь, заскрежетал зубами и заколотил ладонями обеих рук по столу.

– Мейнц дал признательные показания, – не останавливаясь, вываливал всё до конца Трубкин. – Про доклад ваш тоже. Сжѐг он его.

– Сволочи! – уже стонал Странников. – А баба эта!.. Кроме бл...ва, ни на что способна не была!

– Активными членами значились оба, – осторожно поправил его Трубкин, бледность исчезла с его лица, он вроде как бодрился, смелее поглядывал на метавшегося секретаря. – Приказано проверить их контакты.

– Контакты? Ах они!.. – Странников грязно выругался. – Свили гнездо осиное в губкоме! Слушай, здесь же её сеструха... Та, что кренделя ножищами выписывала! Приказываю!.. Немедленно её арестовать! Так и запиши в ордере – с моего указания! Слышишь? С моего!

– Будет сделано.

– Сделано?.. Бегом несись! Упустишь, голову оторву! – Странников весь переменялся, кровью налилось его лицо, он исподлобья смерил с головы до ног стоявшего перед ним человека, будто впервые увидел. – Как же ты прошляпил? А-а?.. С докладом я их ущучил... Тебе твердил, приказывал... А ты спусти рукава?!

Трубкин, бледнея на глазах, подбирал живот.

– За Таскаева, дурочка, ухватился... Нюх утратил!

Потолок мог рухнуть от крика. Трубкина качнуло, он и голову вжал в плечи.

– Сегодня же даю в центр телеграмму, – медленно отчеканил Странников. – Сообщу, что вскрыл осиное гнездо. А ты проявил близорукость. Пусть пришлют людей помочь мне вывернуть всё здесь наизнанку. Не пощажу никого! А ты поспешай со своим поручением. Чтѐб без промедления! И докладывать мне! Каждый вечер! Слышишь?

– Так точно.

– А теперь пошёл вон!

V

Инструктор губкома Игорёк Иорин несколько смутился, услышав в телефонной трубке почти забытый с картавинкой голос Роберта Романовича Джанерти. Совсем разволновавшись, по этой характерной картавинке, мягким вкрадчивым ноткам и распознал окончательно. Звонили на квартиру, искали его симпатий в основном женщины, а если мужчины, то люди иной ориентации, нежели следователь прокуратуры. Беспокоились они насчёт посещения салона мадам Алексеевой Татьяны Андреевны, где Игорьку принадлежала особая роль. Поэтому звонили, как правило, загодя – по утрам в выходные дни, пользуясь его квартирным телефоном, который он берёт от чужих ушей. А этот звонок был поздним, ночным, Игорёк их не любил и с некоторых пор вовсе побаивался.

Схватив аппарат и выразительно глянув на встрепенувшуюся, тут же бросившуюся одеваться Эмму Самуиловну, молодящуюся жену известного в городе стоматолога, Иорин нагишом выскочил в прихожую, прикрыв за собой дверь и, прислушиваясь к женским шагам, постоял – доверяй, но проверяй! Только после этого шёпотом поздоровался.

– Легли отдыхать? – извинившись, поинтересовались на другом конце провода.

– Что вы? И не собирался, – не зная, что отвечать, придумывал Игорёк. – Зачитался, знаете ли...

– Извините покорно, – Джанерти был верен себе. – Положил бы трубку, любезный Игорь Евграфович, но дело не терпит. Хотелось бы увидеться...

Несколько месяцев назад, ранней весной Иорину довелось лично познакомиться с этим тонкой психологии человеком, к которому сразу же он проникся уважением и признанием, хотя обстоятельства, предшествовавшие их случайной встрече, в известной степени были довольно деликатными и даже весьма трагическими. Иорин подвергся нападению бандитов, в некотором роде пострадал, и жизнь его, как говорится, висела на волоске, не оказись поблизости милиционера. Егор Ковригин, после этого удостоившийся чести раскатывать на служебном автомобиле с самым ответственным секретарём губкома товарищем Странниковым, стал его спасителем. Тогда и познакомились они с Джанерти, занимавшимся тем делом по поручению губернского прокурора и как нельзя лучше справившимся. Естественно, случившееся не получило огласки. Игорёк от всего сердца попытался отблагодарить понравившегося человека, а прознав, что тот одинок, пригласил Джанерти посетить салон мадам Алексеевой. Попасть туда мечтали и добивались особы серьёзные, но следователь с присущей ему деликатностью отказался, сославшись на занятость. Игорёк пробовал было настаивать, гарантируя абсолютную секретность визита, но тот поспешил перевести разговор на другую тему, и больше они не встречались. Но вдруг Джанерти нашёл его сам. «Созрел-таки чистоплюй», – усмехнулся Игорёк, многоопытный в таких делах и тут же поинтересовался:

– Вас привлекают брюнетки или блондинки?

В трубке возникла пауза.

– Полностью полагаюсь на вас, – наконец последовал ответ. – Мне, знаете ли... хотелось бы особу поинтеллигентней и с понятиями...

«Все они дуры!» – так и хотелось пошутить Иорину, но он выдержал соответствующую мину и пообещал устроить всё, как нельзя лучше.

– Желательно поскорей, – сразу окреп голос следователя, тут же добавившего будто невзначай: – И ещё одна просьбица...

– К вашим услугам.

– Не смогли бы вы там же организовать ещё одно свидание?.. Со Львом Наумовичем?

– С господином Узиловским? – не сумел скрыть удивления Иорин, его поразила осведомлённость собеседника насчёт постоянного клиента салона.

– С любезным Львом Наумовичем мы давненько не виделись, – доверительно продолжил Джанерти. – Пусть это будет для него приятным сюрпризом.

– Я вас понял, – заверил Иорин, больше ничего не спрашивая.

В следующий вечер, в понедельник, он поджидал следователя в условном месте на набережной.

Они поздоровались, будто старые друзья. Джанерти по обыкновению не расстающийся с лёгкой тросточкой, похлопал свободной рукой по плечу Игорька, но тот бросился обниматься, после чего провёл желанного гостя со служебного хода прямо в кабинет, как тот и просил.

– Ну? – обвёл он уютную комнатку ласковым взглядом. – Как вам у нас?

– Недурственно.

– Закажете ужин? Или выпьете чего? – Игорёк кивнул на пёстрый, так и притягивающий к себе диван.

– Давайте-ка поступим иначе, – предпочёл стул дивану Джанерти. Он откинулся с удовольствием на спинку, ещё раз внимательно огляделся и, оставив трость между ног, пристроил шляпу на краешек стола. – Два бокала хорошего красного вина, фруктов и обещанную персону... Как?

– Чудесненько! – приветствовал его решение Игорёк. – Делу время, а потехе ночь! Располагайтесь. Я – за вашим визави³, но мы не прощаемся. Я вас ещё навещу, следующий сюрприз за мной, и вы, уверен, останетесь довольны. Дамочки у нас – пальчики оближешь.

– Премного благодарен, – сдержанно раскланялся Джанерти, приглушил лишний свет и, оставшись в полумраке, полез за сигарой.

Он ещё раскуривал, когда на порог неуверенно ступил Узилевский, вытянув вперёд маленькую головку с замасленным пробором. Он долго близоруко всматривался, сюрприз был налицо – этого человека увидеть перед собой ему явно не хотелось. И тем не менее он быстро пришёл в себя, преобразился, и сладкая улыбка расплылась по его физиономии:

– Роберт Романович! Вот счастье-то! Вас ли я вижу?

Секунда – и хитрец бросился бы обниматься, такая искренняя радость полыхала в его глазах.

– В этом вертепе, хотели бы вы сказать? – отгораживаясь, схватился за трость Джанерти в гнев. – Вы, голубчик, задумали в прятки со мной играть! Откуда сии проказы?

– И мыслишки не мелькало, дорогой Роберт Романович! – всплеснул руками тот, как ни в чём не бывало. – В разъездах весь. Из Саратова возвратясь, умчался на низа. Там дела плохи. Стихия закрутила. В такие передряги угодил! Едва живой, Бог смилостивился, сюда вот душу грешную отогреть заглянул, а Игорь Евграфович мне такую любезность преподнёс!..

– Ну хватит комедию ломать! – пресёк, стукнув тростью об пол следователь. – Хватит! Присаживайтесь. По вашей милости пришлось здесь вас вылавливать. А Игорь Евграфович не при чём, не вздумайте заподозрить его в какой мерзости или ещё коим образом приплести к нашим отношениям.

– И мыслишки не мелькнуло... – опять затянул своё Узилевский, конфузясь.

– Садитесь! – с раздражением ткнул тростью на диван Джанерти. – Должен вас остеречь на будущее. Подобного не потерплю! Церемониться с вами не намерен. За решётку упеку в два счёта. С избытком на свободе задержались, мне совесть спать не даёт, гложет, как подумаю, что вы за спиной моей творите.

– Смилуйтесь! Да чем я провинился, Роберт Романович? – слетела спесь с лица мошенника, и он вмиг побледнел. – Знать бы вину?

³ Буквально – тот, который напротив (*фр.*).

– Полноте! – прихлопнул по столу следователь. – Не валяйте дурака! И давайте без истерик. Вам известно, что я вас разыскиваю, однако вы не явились в положенное время на известную вам квартиру. Этого достаточно!

– Но я же объяснил! – взмолился Узилевский, вскинув руки.

– Даю вам последнюю возможность... – начал было Джанерти, но впорхнула девица в легкомысленном одеянии, чуть прикрытая ярким фартучком спереди, заставив стол вином и фруктами, улетела.

– Так вот, – когда остались одни, сухо продолжил следователь, – у вас есть возможность миновать тюремную решётку на некоторое время...

– Боже мой! – слетел с дивана на колени Узилевский. – Что я должен сделать? Маму убить? Я готов!

– Не паясничайте! И сядьте за стол, – нахмурился Джанерти, а мысли его уже были заняты другим, он пододвинул бокал с вином, сам сделал глоток из своего и затянулся сигарой. – Человека, который меня интересует, вы знаете. На него написали письмо, но все отказались, лишь была начата проверка.

Лицо Узилевского дёрнулось:

– Как! Вы взяли за своих?

– Вот видите, вам всё известно, – строже заговорил Джанерти. – Эти люди должны объяснить причину отказа и подтвердить всё сызнова.

– Но... – попытался возразить Узилевский.

– Ни слова! – неумолимо настаивал следователь. – Теперь им придётся явиться в ГПУ к Трубкину.

– Боже мой! Боже мой... – покачивая головой, ухватился Узилевский за бокал и осушил его залпом. – Что творится на этом свете? Вы требуете от меня невозможного!

– Значит, вам милее тюремная решётка? – затянулся сигарой Джанерти. – Но знайте, малым сроком не отделаетесь. Я повешу на вас всех собак. Стною на нарах.

– Чем я вам так ненавистен? – упал головой на сложенные руки Узилевский.

– Не скулите. Откажитесь, у меня есть в запасе Макс, Нартов, Чубатов, в конце концов я сам возьмусь за автора письма. Имя его известно.

– Нет! – подскочил на ноги в истеричной решимости Узилевский. – Я согласен!

Джанерти хмуро усмехнулся, плеснул вина в бокал, протянул:

– И надо было ломать комедию?

Узилевский лишь заблестел глазами и выпил, ни слова не говоря.

– У вас три дня на улаживание всей этой гнусной истории. Мой человек в ГПУ сообщит, если справитесь с задачей. И не вздумайте сбежать из города. Возмездие неминуемо. Только ни о каком суде тогда не мечтайте. Всё будет гораздо прозаичней. – Джанерти поднялся, надел шляпу, шагнул к двери. – Да, приведите себя в порядок, мне не нравится ваш вид. И придумайте что-нибудь для Игоря Евграфовича по моему поводу... Скажите, приболела голова. И бодрей, бодрей!.. Что вы так согнулись?

Зная все закоулки притона, в провожатых этот человек не нуждался.

VI

Турин дочитал последний лист «Коммуниста», глянул на тумбочку – положить некуда, вся заставлена снедью, соками, лекарством. Постаралась, как обычно, с утра Серафима да убежала по своим делам, покуда он ещё спал. С некоторых пор лишь ему разрешено было подыматься на кровати, самому садиться и опускать ноги к полу, она, приготовив завтрак и всё необходимое, оставляла с короткой запиской на тумбочке и убегала в театр, возвращаясь к обеду. Турин не ревновал, но нервничал – Григорий Иванович Задов, имя которого теперь не успевало слетать с губ Серафимы, полностью завладел её свободным временем. Вечером, допоздна просиживая возле выздоравливавшего больного, она только и бредила предстоящей премьерой грандиозного спектакля, которую тот замыслил, восхищалась ролью, что Задов специально для неё написал, и была без ума от предстоящего праздника, посвящённого, конечно, победе над стихией.

В пьесе всё было ново: от мудрёно закрученного сюжета до необычных костюмов и декораций, по её рассказам Задов собрался заткнуть за пояс какого-то модного в столице Мейерхольда⁴, поэтому, разучивая роли и репетируя, актёры в авральном порядке шили невероятные одежды и сколачивали немыслимые декорации, творя такое, чему сами же и поражались.

Пьеса носила название, похожее на статью в газете, которую Турин на днях читал. Ещё тогда его задели, заскребли собственные домыслы: Задов будто сговорился со Странниковым, в одну дуду у них всё получалось.

Турин набрался сил, крикнул, нагнулся, достав с горки на полу нужную газетку с той статьёй. Пробежал глазами по строчкам:

Три недели борьбы с наводнением

Доклад отв. секретаря Губкома ВКП(б), председателя Губ. чрезвычайной тройки по борьбе с наводнением тов. Странникова на пленуме Горсовета.

Пьесу актёр назвал: «Три недели борьбы и обороны».

Серафиме и Задову предстояло играть в ней главные роли. В связи с этим, лишь миновала опасность, всю труппу сняли с обваловки и в театре начался свой аврал. Задов метался по сцене, не закрывая рта, ревел, словно выпущенный из клетки тигр, – премьеру решено было сварганить во что бы то ни стало сразу после пленума. Так было задумано, об этом оповещали афиши, которые спешно писали и расклеивали сами актёры, однако внезапно нашёлся всесильный, перенёс сроки, и афишки пришлось срывать.

Вечером Серафима возвратилась из театра вся не в себе, на расспросы Турина отмалчивалась, по-детски поджимая губы и тая обиду, но не прошло и часа, присела к нему на койку, ткнулась лицом в плечо и разревелась. Как мог, пытался он её успокоить, расспрашивал, что произошло, пока она, глотая слова вперемежку со слезами, объявила, что отложил премьеру сам Странников, а Задов по большому секрету только с ней поделился причиной – секретарь якобы звонил в Москву, рапортовал о полной победе над стихией соответствующему начальству и получил в награду обещанное приглашение работать в столице. На радостях, поломав их планы, затеял он поездку на лодках и гулянье по Волге, приглашает

⁴ Советский режиссёр, прославившийся поиском новых форм агитационного зрелищного театра, в 1940 г. погибший в лагерях ГУЛАГа «врагом народа» и посмертно реабилитированный в горбачёвский период правления.

избранный круг лиц, в том числе нескольких артистов. Естественно, премьера переносится и станет своеобразным апофеозом его пребывания в провинции.

– Чем-чем станет? – переспросил Турин, весь напрягшись, и внимательно её слушавший.

– Прославлением, – кольнула взглядом та, – в театре это торжественная заключительная сцена с участием всех артистов.

– Всех ли? – задумчиво иронизировал Турин. – Обоожествление – переводится это слово буквально. С греческого на наш. А рядом с богом простым смертным места нет... Хотя, чего мелочиться, великим стал Василий Петрович, читал я и статью его, и доклад на пленуме: он и стихию победил, и в столицу уезжает, небось не в лавку торговать пригласили, в ЦК, думаю, отправится прямой дорожкой...

Молчание, тягостное и долгое, разделило их после этих слов, Серафима явно пугалась его нарушить, видя, как заострилось лицо Турина, как зло сверкнули глаза.

И всё же она решилась:

– Я что-то не пойму тебя, Василий. Ты радоваться должен за него! Сколько мне о нём хорошего сказывал на этой вот койке несколькими днями ранее? О крепкой вашей дружбе делился, хвастал, что понимаете друг друга с полуслова...

Турин лишь хмуро отвернулся.

– Что молчишь?

– Он, Серафима, вроде тебя, у него любовь да дружба коротки.

– Зазря-то не наговаривай! При мне тебя навещал, видела его лицо, небось не к каждому такой большой человек в больницу прибегает. Примчался, словно угорелый, и битый час с тобой валандался.

– Чую, тебя Странников тоже на гулянку пригласил?

– Ну и пригласил, – вызывающе вздёрнула нос Серафима. – Я главную роль в спектакле играю, а не абы что! Григорий Иванович мне приглашение передал, только не решила я – ехать или наплевать.

– А чего ж молчала? Слезки даже пролила. Почему сама не создалась?

– Ба! Да не ревнуешь ли ты меня, Василий Евлампиевич? – всплеснула руками Серафима, спрыгнула с койки, усмехаясь, вся преобразилась. – В чём мне сознаваться? Украла я или убила кого?

– А молчишь?..

– Сказать не успела.

– А Егор как же?

– Егор?.. А что Егор? – смутилась она и тут же зарделась. – Чего это вы Ковригина сюда приплели?

– Не юли, Сима. Не надо, – одёрнул он её хмуро. – Знаю я про все ваши ночные любовные дела.

– Это откуда же? Следил за нами по ночам?

– Он мне сам открылся, хотя я догадывался, что встречаетесь вы тайком, как в больнице у меня он объявился.

– И что? Враз про любовь заговорил?

– Не тот он мужик, чтоб трепаться. Ангел – крепкого характера человек.

– Ангел?..

– Натерпеться в жизни ему пришлось, а человеческая сердцевина уцелела, вот и прозвал я его так.

– И чего же наговорил тебе этот ангелочек?

– А ничего! – отбрил Турин, скрипнув зубами. – Ты, Серафима, не особенно-то кичись! Для других спесь побереги. У нас с тобой чувства тоже были. Только быстро ты всё забыла.

И Егор к тебе в своё время прикипел, из-за чего едва смерть не принял от атамана Жорки. Или тоже память отшибло?

– Забудешь! – вспыхнула та. – Рубцы до сих пор на спине ношу от его кнута! Скинуть платье, полюбуешься?

– Охолопись. Не со зла я, – потупился Турин. – Сама нарвалась. А спрашивал меня Егор в тот раз про нас с тобой.

– Вона как! Разрешением, значит, интересовался у начальника? – ядовито усмехнулась Серафима. – И как же вы меня поделили?

– Уймись, Симка! – рявкнул Турин, не сдержавшись, но опомнился, дотянулся до её плеча, заглянул в глаза.

Она и обмякла вся, щекой к его руке прижалась, глаза закрыла, заласкалась кошкой.

– Красивая ты женщин, Серафима, но судьба твоя такая, видать, чтобы мужиками вертеть, как вздумаешь. Только помолчи сейчас на минутку, уж больно злой у тебя язык, послушай, что скажу.

Тихо стало в палате. Так тихо, что слышен стал стук ходиков на тумбочке, Серафимой же и принесённых в первый день появления.

– Прошрое моё чувство выгорело давно, – тяжело начал Турин. – На том месте бурьяна столько выросло, что и появишься теперь какой цветок, задушит его сорняк, не даст подняться. Всё мертво.

– Так ты ему и ответил? – дрогнула она, влажные глаза пряча.

– Так и сказал, – выдохнул он полной грудью, свалил обузу с плеч. – А Егор тебя ещё любит. Только б знал он, кому душу доверяет... Ведь играешь ты им! Тщеславие своё тешишь.

– Что ж он бросил меня тогда? – взвилась Серафима. – Почему допустил, чтоб проклятому Штырю я досталась после Жорки? Не винился тебе в этом?

– Сама спроси, если надобность есть. Только вижу я, нет нужды. И не он тебя бросил, а ты в душу ему наплевала. Сказывал мне он и про это. Изменилась ты с тех пор, комиссара поганого, который казну на тебя растратил да к стенке угодил, я в счёт не беру, баламутного Штыря, по твоей вине зарезанного, тоже тебе прощаю, а вот Корнета Копытова – никогда. Как же ты с ним спуталась, если у него руки по локоть в крови? Немца Брауха смерти за что предали?

– Я к делам Корнета касательств не имела, винилась уже тебе, – сверкнув глазами, отбросила его руку. – Аль забыл, Василий Евлампиевич?

– Верю, – хмуро ответил он. – Иначе не сидела бы ты здесь возле моей койки.

– А что? Арестовал бы? – рванулась она к нему.

Он встретил её яростный взгляд спокойно, не отвёл глаз:

– Арестовал. И суду предал бы.

– А Егор как же?

– Егор здесь не при чём.

– Не знаешь ты, что ангелочек твой мне нащёптывал...

– Ну говори!

– Бежать уговаривал с ним, – зло усмехнулась она. – Закатимся, сказывал. Заживём на краю света, малиной жизнь обернётся. До самой смерти любить обещал.

– И что же ты? Отказалась?

– Не ответила пока. Ни да ни нет.

– Ну и зря, – потеплели глаза Турина, улыбнулся слегка. – Я бы вас и разыскивать не стал. Бегите. Сейчас бегите, пока время представилось. Артисту не до тебя, он спектаклем бредит, Странников ещё тебя не разглядел, хотя глаз положил, когда меня здесь проводывал, но ему в Москву не терпится, а там он краше бабу сыщёт... Пока я на койке валяюсь, бегите!

– Никуда я с ним не побегу.

– Задов увлѣк? Наобещал золотых гор?

– Хороший мужик Григорий Иванович, но не в моѣм вкусе, – поморщилась Серафима. – Сладкий больно.

– Вот. Вся твоя сущность в этом. И мне жизнь исковеркала, и Егору душу треплешь. Ветренная ты натура, – грозно сдвинул брови Турин.

– Да что ты меня зашпынял! – взъерепенилась Серафима. – Что ты меня весь вечер скоблишь! Сам-то так уж и свят?

– Грешен. Куда мне в праведники. Только грехи мои не те. Не тебе их ворошить!

– Не к месту мне замечания делать, Василий Евлампиевич, не так уж и сведуща я в твоих больших делах, однако послушай и ты меня.

– Да что ж тебе сказать?

– Берегла я тебя, жалость скребла – больной был, не тревожила.

– Теперь здоров. Выкладывай. Не бойся.

– Что ж мне опасаться? Что от твоих дружков слышала, то и передам.

– Давай и от тех дружков.

– Тимоху Молчуна из Саратова не успел забыть?

– Савельева? – удивился Турин. – Тебе его где видеть привелось?

– А там же, где просил ты его за бабкой приглядывать да за гадом каким-то.

– Разболтал тебе?

– Корнету он жалился на тебя, а я слышала ненароком.

– И чем же я обидел Тимоху?

– Обидел?.. – криво усмехнулась она. – Будто сам не ведаешь? Не обида то, подлюю удавку едва не накинуд ты ему на шею!

– Язык-то поганый побереги для другого дела, Симка! – дёрнулся он на койке.

– Что слышала, то и передаю...

Турин во все глаза впился в женщину, руки его дрожали от напряжения, сжались кулаки – так и разорвал бы в клочья!

– Тихон из больницы, куда ты его упрятал, в ту же ночь дѣру дал, – отступила подальше от койки Серафима. – И с дружками своими на кладбище промышлять отправился да там тебя и застукал.

Турин переменялся в лице.

– Чего побледнел-то? Правду, значит, ворюга открыл Корнету?

– Ты говори, говори... – сверкнул Турин глазами, весь словно стрела на тетиве, догадался, о чём речь пойдёт.

– С подлюгой тем, что бабку под трамвай сбросил да за которым следить его просил, сам же ты и обнимался у могилы. Не ту бабку-то хоронил, Василий Евлампиевич?

– Не ту... – отвернулся Турин. – А чего он сам у меня побоялся спросить? Подошёл бы, так, мол, и так...

– А вы бы вдвоѣм в ту же яму и его! – хмыкнула она. – На машине вместе укатали, любезно беседуя. Объясни мне...

– Не тот ты человек, чтоб пред тобой ответ держать! – оборвал он её.

– А ведь спросит тебя Тихон с дружками...

– Спросит – отвечу. Тебя не выдам.

– За что же меня-то винить? Слово в слово и передала, что слышала! – изумилась она.

– За то и благодарен. Открыла ты мне глаза на многое, – Турин попытался изобразить улыбку, но кислой она получилась, вымученной. – Я всё в потѣмках плутал насчёт той гадины. А после твоих слов и встали на место все детальки.

Он оглядел койку, обвѣл тоскливым взором ненавистную палату:

– На волю бы мне. Залежался. Вокруг столько всего творится, а я как в колодце оказался. Слухами живу... Но сегодня ты глаза мне открыла на многое. Спасибо.

Серафима так к стенке и привалилась – смертельным холодом пахнуло от его слов.

VII

Лёвка цену себе знал, наплевать бы ему да размазать на угрозы следователя-итальяшки, однако, когда тот упомянул ГПУ да открыто намекнул на поддержку друзей из грозной конторы, остро заломило у него под одной из лопаток – хорохорься не хорохорься, а связи не те, и предательский холодок предчувствия неминуемых неприятностей пробежал по ставшей слишком чувствительной его спине. Осознал полпред частного капитала всю пакость отвратительной лужи, куда засадил его по уши коварный Джанерти. Поэтому, несмотря на поздний час, едва распрощавшись с крайне озадаченным Иориным, покинул он салон мадам Алексеевой и понёсся разыскивать Максима Яковлевича Гладченко. Макс, если ничем и не поможет, даст верный совет, ситуация в верхах властных структур ему известна лучше других – истинный вождь в среде местных нэпманов, он не без оснований пользовался неприкасаемым авторитетом и считался признанным специалистом по части поддержки деловых контактов с представителями высшего начальства торгового и налогового отделов, экспертов, ревизоров и инспекторов всех мастей в рыбной промышленности, прочих чиновников государственного аппарата, а попросту – по взяткам и спаиванию нужных людей.

Как-то в узком кругу среди своих, подымая тост за процветание частного сектора в финансовом брюхе государства, самый башковитый из братьев Солдатовых, старший Пётр, метко заметил по этому поводу: «Подкупить советского чиновника – дело тонкое и деликатное, можно сказать, ювелирное. Не всякому дан божий дар владеть сим искусством, ведь каждый чинуша требует индивидуального обхождения и частички души. Но наш председатель рыночного комитета великомудрый Максимушка прекрасно владеет этим. Многие с полными карманами отважатся распахнуть дверь к алчущему чиновнику и выйти пустым, да не каждый при этом цели желанной достигнет, утрясёт все зававыки, сгладит углы и уйдёт, провожаемый благодарственным напутствием и не пустыми обещаниями...»

По собственным тайным признаниям Гладченко, а много приврать он считал зазорным, ежемесячные его траты на пивнушки, кабаки да рестораны для чинуш, кроме регулярных отстёгиваний целевых подачек и сувениров, составляли от пяти сотен рублей до тысячи. Компаньоны его по рыбной части трудились и собирали эту обязательную дань, а уж он ведал кому, когда и на какие цели всучить, справляясь с обязанностями как нельзя лучше. Впрочем, некоторые чиновники не дожидались его прихода, ловили Гладченко сами и попрошайничали, жалуясь на прорехи в карманах. А уж когда заявлялся он в их кабинеты и шёл величавой походкой между столов, шептались, не скрывая радости: «Открывая карманы, деньги идут!» И звучало это ласково, с почтением, а то и дружески.

С бьющимся сердцем жаждал встречи с этим человеком Узилевский, однако горькое разочарование пришлось ему испытать – отбыл Максим Яковлевич на низа с рыбопромышленником Штейнбергом, сообщила домработница; толком она ничего не знала, да и уверен был Лёвка – не слетит с её языка лишнего, приучил строгий хозяин к порядку.

Визит к купцам Чубатову и Морозову оставил он на утро, но и там ждала неудача, оба в городе отсутствовали уже несколько дней по той же причине, дежурили на промыслах. Да и как иначе – какой добрый хозяин не печётся насчёт своего добра в грозную пору, когда вроде отступила стихия, но всем известно её коварство!

Оставалась надежда на Антона Нартова, тут ему и повезло. Дом знатного рыбодобытчика, как и положено, высился на бугристом берегу Волги, защищён от всех напастей земляным валом и надёжным частоколом; там, у лодок, и застал его Узилевский. Раскрыл было рот Лёвка, а Нартову объяснять ничего не пришлось, знал почти всё Антон, костерить в хвост и в гриву начал Лихомера, треклятого Клопа, заслужившего такую кличку у метких на язык рыбодобытчиков. Рвал и метал Нартов, рассказывая, как втянул их в гнилое своё дело коро-

тышка жид, хотя и не подписывали они с Чубатовым и Морозовым никакого заявления, тряс их в своём кабинете губернский прокурор Арёл, страшал тюрьмой да конфискацией всего нажитого. По этой причине удрали с глаз долой перепуганные насмерть Чубатов с Морозовым, порешив на низах отсидеться, он сам собирался да вот задержался некстати, иначе и его не застал бы Узилевский.

Выслушав его страхи, смекнул погрустневший Лёвка, что вряд ли удастся сподвигнуть Нартова на поганое дело, однако отступить было некуда, и он заикнулся про свою беду. Сообразил, конечно, не пугать совсем, не посвящать во все тонкости, а начал с малого:

– Ты бы наведаясь к Лихомеру, Антон Семёнович, – заикнулся в завершении просьбой. – Передал бы ему приглашение на наш совет рыбопромышленников. Всё общество собирать не станем, пусть не опасается, президиум наш, пять-шесть человек, соберём, потолкуем и его вразумим. На будущее...

– Позор на свою голову принимать? – не дослушав, взвинтился тот. – Без того натерпелся у прокурора! Ещё неизвестно, как он повернёт! Жид накатал бумагу, а ведь потом струхнул да отказался! Мы уж гадали с Чубатовым, не проучить ли его по-нашему, по-простому.

– Морду набить?

– Не юнцы мы, Лев Наумович, чтоб кулаками махать, – обиделся рыбодобытчик. – А и не тронь дерьмо, оно и не воняет. Клоп-то, паршивец, вон каким вонючим оказался. Не отмоешься. Мы его по-нашему, по ветру промысел его пустить собирались... А теперь боимся связываться.

– На совете и решим, как с ним поступить, – поддакнул Лёвка. – Чего вам пачкаться? Обществом и серьёзней, и ответственности никакой. Сходи, Антон Семёнович, по-товарищески тебя умоляю...

Так и уговорил.

Сдался Антон Нартов, махнув в сердцах рукой, отправился к прощелье на поклон, да того след простыл. Жинка тощая, одни впалые глаза пронзительной чернотой жгут, вся в тревоге и слезах, поклялась, что несколько дней уже отсутствует мужёк. Двое деток мал-мала по бокам за юбку ухватились, дом пуст. Не поверил Нартов, по избе прошёлся, однако и дух поганца простыл.

Вот тут Лёвку самого прошибла лихоманка: объясняться в ГПУ ему никак не хотелось, единственный виделся выход – бухнуться на поклон к Камытину, не откажет тот давнему дружку. Да и обращался к нему редко, только когда всерьёз прижимало, а зазря по мелочовке не беспокоил. Этот случай как раз тот: если розыск не отыщет канувшего поганца, только на Всевышнего надежда.

Камытин отсыпался после передрыг и тревог с наводнением. Пришлось Лёвке беспокоить его на дому. Отругал за то, что разбудил, а услышал причину, вовсе собак спустил – будет он искать какого-то недоумка!.. Укатил тот по своим делам в другие края или от жены к любовнице махнул и залёг там в своё удовольствие!..

– Клоп не тот, чтоб на бабу тратиться, – горьким смехом разобрало Узилевского. – Аль забыли вы Якоба Лихомера? Сморчок, ему бабу не подобрать по росту.

– Вот на таких они и зарятся, – захохотал и Камытин. – Мал сучок да коряв.

– Сволочь он, весь город на ноги поднял.

– Ты наговоришь...

Пришлось Лёвке приоткрыть слегка свою тайну милиционеру.

– Ну и славно, что от прежнего заявления отказался Лихомер, – лениво потянулся Камытин, вполуха его выслушав. – Нас от работы освободил, себя от лишних тревог. Пасквиль, он, конечно, влечёт последствия. За решётку его да проучить как следует. С ним всё ясно. А вот тебе какой интерес?

– Пропесочить хотим его на общем совете частного сектора, – с невинным видом соврал Узилевский, – чтоб не позорил господ рыбопромышленников, а прежде всего и весь наш честный пролетарский аппарат.

– Дело нужное, – похвалил Камытин, смерил Лёвку недоверчивым взглядом, хмыкнул, совсем продирая глаза, и к трубке потянулся. – Отыщем поганца ради праведного суда. Губрозыск всегда поможет вывести на чистую воду клеветника. На кого накатал ксиву, стервец?

Замялся Лёвка, пожал плечами:

– Джанерти не сказывал...

– Как? Роберт Романович занимается этим делом? Почему же он сам ко мне не обратился?

В который раз взмок от таких нервных передрыг Узилевский, замялся, несурзное только и смог пробормотать:

– Деликатный, видать, вопрос... Сами понимать должны, Пётр Петрович.

– Верно, – похвалил тот. – Болтать всякому о таких вещах не следует. – Приказал дежурному объявить розыск Лихомера и досыпать завалился.

Ещё сутки миновали, не дождался вестей Узилевский и с утра сам в дежурку заявился. Выделил ему Камытин долговязого Ляпина, озадачил участковых надзирателей, морг проверили – среди тамошних неопознанных мазуриков Якоба Лихомера не нашлось.

– Точно драпанул из города твой пройдоха, – разводил руки Камытин. – Испугался до смерти прокурора и забился в глухие места отсиживаться. Теперь ждать надо, когда прятаться надоест сукину сыну.

Распрощались бы они так ни с чем, и ломать бы голову бедняге, как к Джанерти идти с ответом, в ГПУ – решил бесповоротно – только под конвоем, но заявился дотошный Ширинкин. Участковый надзиратель ступил на порог Камытина не один, подталкивал перед собой двух огольцов-оборвышей малолетних. Объявил, что пугнул ватагу беспризорников проверить подвалы в заброшенных развалюхах, а те наткнулись на висельника, по описаниям – вылитый Лихомер. Трогать оборванцы его побоялись, вонь вокруг, мухота облепила покойника.

– Что ж ты вылупил на меня? – остудил пыл рапортовавшего Ширинкина Камытин. – Не знаешь, что делать?

– Нам-то зачем это дело? – сообразительный Ширинкин враз потускнел с досады. – Сообщу жинке, пусть хоронит. Неужто главного их в медэкспертизе Курдюма⁵ подымать? Небось сама и довела мужика.

– А криминал?! – сдвинул брови Камытин. – Под монастырь вздумал меня подвести? Им же в прокуратуре интересуются!

– Тогда что ж?... Сразу б и сказали, – смутился участковый. – Вот напасть на мою голову! В Мариинку⁶ свезти окаянного?

– Готовь мужиков да телегу и отправляйся с пацанвой к труп, – поморщился Камытин. – Дам знать Джанерти, капризный он человек, может, свои намерения имеет...

У трупа оказались все: Джанерти с Камытиным, Ляпиным, с судебным медиком Дудкиным – на автомобиле прокуратуры, следом Ширинкин с Узилевским – на пролётке, телега с мужиками и пацанвой для перевозки тела – с запозданием.

Натянув резиновые перчатки, простуженный, постоянно кашлявший Дудкин, согнав мух, первым делом сунулся в карманы и недаром: тут же вытащил на свет бумагу и подал её Джанерти со значительным видом.

⁵ А. П. Курдюмов – с 1925 года первый государственный судебно-медицинский эксперт Астраханской губернии, фактически заложивший ростки будущего учебно-экспертного объединения.

⁶ С 1924 года в здании Александрово-Мариинской больницы размещался и кабинет судебной медицины.

– Отписано два дня назад, – безглаголиво повертел развёрнутый грязный лист следователь. – Тут целая исповедь... ну, а если совсем коротко, – в смерти просит никого не винить, запутался с собственными делами.

– Вот, – выступил на шаг Ширинкин. – Что я говорил? У них, у дельцов, в паутине своей же запутаться, что тому паршивцу плевков.

И он кивнул на кучку жавшихся в стороне оборванцев.

– Дай-то бог... – не к месту вздохнул Лёвка.

– Какой-никакой, а конец дело венчает, – полез за папироской Камытин.

Молчал лишь Джанерти, словно ждал, когда выскажутся все, на Дудкина искоса поглядывал.

– Пальцев-то многовато на бумажке? – вдруг сказал он и сунул лист медику под нос.

– Это само собой, – не смутившись, согласился тот. – Откатаем всё в лаборатории, проверим. Может, есть экземпляры для идентификации.

– Вы уж постарайтесь.

– Непременно.

– Тогда и всё остальное досконально, – продолжил настойчиво следователь. – Я постановление с вопросиками подошлю. Почерк надо бы сравнить.

– Конечно.

– Это как понимать? – не стерпев, дёрнулся Лёвка. – Убили Лихомера?

– Дождёмся заключения эксперта, – затаился сигарой Джанерти. – С выводами спешить рано. Чую я, начинается только всё...

VIII

Дни замелькали стремительней стрелок на часах. Казалось бы, вот он, триумф! Повержена стихия, как он сам прописал в одной из газетных статей...

Прописать-то прописал, а положила руку на сердце не чувствовал радости. Тревоги больше стало да ожидания – как Москва? Что решат после его сообщения в столице?

Шум, гам, суета, толпы людей в кабинете, выступления, собрания – невоготу и на бегу всё. Пленум... Рассчитывал на пленуме и поставить жирную точку, однако безумная лихорадка продолжалась, обращаясь в навязчивую всеобщую болезнь. Теперь уже в какой-то сумасшедшей эйфории начались праздничные митинги один за другим, а то и по два-три сразу в разных концах, хоть разорвись. И везде прославляли его! Кто раздувал мехи? Распатов – бог идеологии дирижировал за спиной?..

Вызвал, принялся распекал, тот руки разводит – народная инициатива! Натерпелись, мол, люди страху, требуется выплеснуть, к тому же творчество так и прёт с мест: массовки на улицах и площадях, маршируют с плакатами, в клубах спевки допоздна. Не унять. Побеждена стихия – лозунг из его статьи подхвачен, всем души разбередил. Выжили!..

А Странников не чувствовал вкуса победы. Забыл, когда ночевал дома, да и не ждал никто там, приловчился спать рядом с кабинетом. Здесь проглатывал пищу, когда голод доставал, валился с ног, когда морила усталость. Заглядывала Файка, машинистка штаба, для блезира с не нужными никому бумажками забегала, беспокоясь долгим его отсутствием. Кокетливо поправляла обтягивающую пухлую грудь кофточку, но отворачивался он в сторону, забыл запах её юбки. Самому становилось не по себе, пугало – не рано интерес к бабам пропал? Вслушивался в организм, нет, жив был его организм, просто внутри что-то сломалось, заснуло.

С некоторых пор стал надоедать Задов бредовой идеей празднеств глобального масштаба: затеял ставить спектакль прямо на набережной Волги. Сам пьесу сочинил, сам в главных ролях, с фейерверком и пушечной пальбой, с баркасами под флагами по волнам.

– Где пушки возьмёшь? – принял поначалу он всё за шутку.

– Пиротехнику обещал военком. Уже решили, – всерьёз бесновался артист. – Твоё согласие нужно.

Пробовал остудить пыл, того пуще разбирает:

– Ты же уедешь! Когда ещё такое событие случится? А народ на всю жизнь запомнит. Не было такого наводнения никогда, не будет и праздника! Да и ответственного секретаря губкома, как ты, больше не сыскать!

Задов умел преподнести, мыслил артист масштабами великими, в этом он весь. А сам Странников всё откладывал... помощнику Кагановича, правда, отпрапортовал сразу, выслушал сухие поздравления, тот заверил – жди звонка с приглашением в столицу. Но затянулись ожидания...

В глубине души надеялся, позвонит сам Лазарь Моисеевич, поинтересуется, обрадует... Но тому недосуг, не до него, видно, важнее дела закрутились. Газеты особо не распространялись, но от помощника узнал, что в качестве Генерального секретаря укатил на Украину Каганович с личным поручением товарища Сталина гайки закручивать. И там развелись троцкисты!..

Однако разбередил Задов нутро, пообещал вместо спектакля гулянье по Волге на баркасах, повод имелся – состоялось наконец назначение Глазкина в председатели губсуда, приходил тот с благодарностями и предложениями. Задов весть услышал, тут же вострепнулся, но Странников его осадил, компанию предложил подобрать из своих, без лишних глаз. С артистками – без размаха и посдержанней публику велел подобрать.

А выпроводив Задова, опять ночь прокоротал без сна в тяжёлых мыслях. Едва рассвело, плюнул на всё, сел к телефону. Решил звонить помощнику сам, будь что будет! Никогда не дрожала рука, а тут...

Долго не брали трубку. Он глянул на часы – рано взбеленился, в столице чуть свет к рабочим столам не спешат и ретивые, однако ошибся, помощник Кагановича ответил, видно, тоже в кабинете ночевал. И разговор был коротким – тот поинтересовался обстановкой, пожурил за затянувшиеся празднества и распорядился звонить в Центральную контрольную комиссию ВКП(б). Там ждут. Сдерживая дыхание, он заикнулся о должности.

– Заместителем начальника одного из важных военных отделов... Как для начала? – добродушно спросил помощник. – Но это только трамплин!

– Когда выезжать? – само собой вырвалось у него и перехватило горло от волнения.

– Туда звоните, Василий Петрович, – дал телефон помощник. – Но по старой дружбе подскажу: запрыгут сразу. Работы там до чёртиков, ситуация в стране особенная, контрольной комиссии достаётся по первое число. Так что, если в отпуске не были, решайте, в ЦКК возможности долго не представится.

И, пожелав успеха, он попрощался.

«Вот ведь как лихо обернулось... – обмяк, полез он за трубкой трясущимися руками. – Сколько мучился, переживал, а пяти минут хватило, чтобы всю жизнь перевернуть!»

Шагнул к шкафу, налил рюмку, выпил и не почувствовал горечь водки, только пуще запыхало лицо и всё внутри. У окна задымил трубку, а мысли метались, прыгали, обгоняя друг дружку. И Марью вспомнил не к месту, где она? Слышал, что укатила к родне. Прогнала баба, будет теперь локти кусать... Не жалел он её, а зазлорадствовал, сам найдёт в Москве другую, поумней, в столице выбор большой. А Задов? С ним как быть? Просился, дружок, все уши прожужжал МХАТом, Станиславским бредит. Запросы у него, конечно, аховые... А почему нет?! С новыми-то возможностями...

Он ещё налил, выпил. Позвонил Задову, тот, не догадываясь, бодро доложил о полной готовности к предстоящей поездке, если других указаний не будет.

– Не будет! – крикнул он, и голос выдал.

– Что? Свершилось? – понял тот сразу. – Звонил Кремль?

– Звонил! Во все колокола!

– Куда? Кем?

– Завтра всё узнаешь! Завтра!

IX

Лишь ткнулся баркас в пылающий песок островка, как ни старался взявший на себя роль тамады Задов, компания распалась. И виной всему Странников, ещё на борту пригубивший рюмку водки за прибытие. А ведь видел он, как опекал артист припасённую для себя Маргариту Львовну, программу целую затеял и в пути откровенные намёки вёл, но скинул обувь да озорно закатал до колен штанины светлых брюк ответственный секретарь и, заломив шляпу на затылок, вдруг подхватил по-молодецки на руки заливающуюся нервным смехом Марго и, сбежав по жалко скрипнувшему трапу, увлёк её во тьму деревьев.

Там они и пропали.

Дурачась, передразнивая друг друга, аукали им на разные голоса сначала с восторгом и с завистью, потом с ревностью и даже со злорадством, косясь на раздосадованного артиста. А устав, поневоле занялись каждый своим, разбившись на группы.

К слову сказать, не всех всполошил сей лирический инцидент. Две полненькие подружки Маргариты Львовны, Верочка и Ноночка, попорхали, попрыгали на палубе и зашушукались, озабоченно оглядывая оставшихся представителей мужской половины. И было отчего. Резавшиеся в шахматы на корме райкомвод Аряшкин и зав контрольной комиссии Манкаев, возле которых время от времени демонстрировала прелести худосочная прима Элочка; придя в себя от толчка баркаса в берег, не завершив эндшпиля, бросили доску с рассыпавшимися фигурами, лихо разнагишались и ахнулись с гиканьем в воду, подымая фонтаны брызг.

Следом за Странниковым высадился на берег энергичный десант матросов во главе с Егором Ковригиным. Заученно и спешно расстелили коврики в тени деревьев, разнесли закуски с винами и водкой, принялись расставлять палатки.

Лишь Задов не скрывал разочарования. Развлекаемый Анной Андреевной, молодящейся матроной, с которой играл ещё в комедиях Антона Павловича, и подоспевшей Эллочкой, бренчавшей на гитаре, разлёгся он на коврике, пристроил голову в коленях верной блондинки, погрузил положенное, а затем, оживая, разлил красного вина, приподнялся на локотке с первым тостом, подозвал державшегося особняком Глазкина:

– Прошу вас, председатель! Идите, идите к нам! – произнесено было в тон настроению, грусть по несбывшемуся рождала и велеречивость, и ностальгию. – Несмотря ни на что, выпьем за надежду! Вам она тоже не помешает в кресле председателя губернского суда! Ждут вас великие дела, а без надежды на успех...

– Вынужден вас огорчить, – сухо и с вызовом прервал его Глазкин, наливая себе водки в стакан и кланяясь дамам. – Ставя цель, я всегда рассчитываю силы. Вот залог моего успеха! Суд – лишь очередная ступень. Я рад, что свершилось, но моя цель выше!

И он залпом осушил стакан, ошеломив женщин, пришедших в восторг.

– Браво! – тут же подхватил и Задов. – Губерния с нетерпением ждёт такого председателя! Прежний, я слышал, тютя был известный...

– Не стоит ворошить прошлое, – опять оборвал его Глазкин и наполнил свой стакан: где уж успел, но был он заметно на взводе и его переполняли чувства. – Я долго шёл к цели. Не всё было гладко на моём пути. Увы, дорогу преграждали завистники и соперники, к тому же у каждого в шкафу свой скелет. Но мой не сковывает рук!

– Ах, Павел Тимофеевич, голубчик! – всплеснула руками Анна Андреевна. – Как это красиво и откровенно. Как чудесно всё это произнесено! У всех, у всех и розы, и шипы! Замечательно!

Она дотянулась до председателя губсуда и, загадочно подмигнув, успела чмокнуть его в щёчку. Тот не отстранился, принял за должное, поднял стакан:

– Я предлагаю тост за перемены! Не скрою, пришёл в суд не удовлетворить тщеславие, а вершить историю нашей губернии. Застоялись её колёса, обросли рутиной, необходимо завертеть их стремительней! Наводнение, которое мы победили, прибавило всем силы, заставило поверить в невозможное... Я понял, на что способен!..

– Ах, как хорошо! Как мило! – зааплодировала, подавшись его порыву, Анна Андреевна и выхватила гитару у Элочки. – Можно, я спою для вас?

– В такой день всё можно, – подал ей бокал красного вина Глазкин и не выпускал, пока, привалившись к нему грудью, не выпила она до дна из его рук.

Он грохнул вдрызг стакан о землю и демонстративно расцеловал актрису, как ни морщился Задов.

– Пойте сегодня только для меня! – скрестил он руки на груди и принял позу известного французского императора.

Дрожа от чувств, она взяла аккорд:

...И много было нас. Горбуньи и калеки,
Чтоб не забыли их, протиснулись вперёд,
А мы, красивые, мы опустили веки,
И стали у колонн, и ждали свой черёд.

Вот смолкли арфы вдруг, и оборвались танцы...
Раскрылась широко преджертвенная дверь...
И буйною толпой ворвались чужестранцы,
Как зверь ликующий, голодный, пёстрый зверь!

– Анна! – остерегающе крикнул Задов, как ни был хмельным, почувствовал он неладное в словах песни и попробовал привстать, протестуя или запрещая, но слаб был порыв, отвалился артист на подушки, не совладав с собой, а Глазкин махнул на него рукой:

– Пустое! Продолжайте! Я хочу!

Но певица и не думала останавливаться и не обращала внимания на то, что творилось вокруг, глаза её прикрылись, запрокинутое в небо лицо пылало жаром, она, вероятно, ничего не видела и не слышала, вся отдавшись овладевшей ею эйфорией:

Одежды странные, неведомые речи!
И лица страшные и непонятный смех...
Но тот, кто подошёл и взял меня за плечи,
Свирепый и большой, – тот был страшнее всех!

С Глазкиным происходило неладное – он будто застыл, сцепив зубы и напрягшись, ледяными сделались его глаза, сжались кулаки. Он даже отстранился от певицы, и гневный рык вырвался из его нутра. Но Верочкой и Ноночкой это было воспринято за уместное подыгрывание актрисе, а Элочка даже зааплодировала, не сдержавшись, крикнула «браво!». Лишь Задов, дотянувшись до стакана вина, осушил его наполовину и опрокинул на коврик, безвольно разжав пальцы.

А певица продолжала:

Он чёрный был и злой, как статуя Ваала!
Звериной шкурою охвачен гибкий стан,
Но чёрное чело золотая цепь венчала,
Священный царский знак далёких знойных стран.

О, ласки чёрных рук так жадны и так грубы,
Что я не вспомнила заклатья чуждых чар!
Впились в мои уста оранжевые губы
И пили жизнь мою, и жгла меня Иштар!..⁷

Анна Андреевна уронила голову на грудь, зашаталась вполне натуральственно, гитара вывалилась из её ослабевших рук, и сама бы она оказалась на траве, не подхвати её Глазкин.

Оставить равнодушными зрителей сей миг, конечно, не мог; рукоплесканиями, криками, визгом наградили певицу, а Глазкин, не владея собой, жадными поцелуями покрыв её полураскрытые, словно в ожидании губы.

Неизвестно сколько бы длилось безумство, не прерви его жёсткий злой голос:

– Пируете без меня?

Наблюдавший за ними не одну минуту, Странников тяжело дышал, прислонившись спиной к дереву. Казалось, он только что гнался за кем-то, долго бежал и теперь приходил в себя. Выглядел ответственный секретарь неважнецки: те же закатанные до колен штаны на грязных уже ногах, взлохмаченная голова без шляпы, исцарапанное бледное лицо.

– Василёк! – трезвея, бросился Задов к приятелю. – Дорогой! Что с тобой случилось? Что за вид?

– Упал, – присел тот медленно, не отрывая спины от ствола.

– Упал? Как? Где?

– Свалился в овраг, – устало закрыл тот глаза.

– Овраг! Откуда здесь овраги? Песок кругом.

– Слушай, дай лучше выпить, – пробормотал Странников и сплюнул тягучую слюну.

Дело приобретало необычный поворот, нутром учуял это артист; разворачиваясь за бутылкой к коврику, он скомандовал:

– Дамочки! Девочки! Разбежались весело по грибы, по ягоды! Быстро! Быстро! Кому сказано?

– Гриня, я останусь, – сунулась к нему Анна Андреевна, отставив гитару. – Помощь какую?.. Лицо обмыть?..

– Дура! – цыкнул на неё Задов. – Какая ещё помощь? Катись отсюда и баб забирай! Мигом! Да чтоб языки прикусили! Ни слова, что видели! Ясно?

– Ясно, Гришенька, ясно. Куда уж ясней, – блондинка развернулась к женщинам, словно курица-хохлатка развела руки в стороны, затараторила: – А ну-ка, милые, подсутились! А ну-ка, красивые мои, погуляем в лесочке да на бережочке!

Странников между тем опрокинул стакан водки, словно глотнул воды, вытаращил глаза на Глазкина:

– Дай закурить!

– Вы же трубку? – не пришёл ещё тот в себя. – Где вас так угораздило! С Маргаритой Львовной ничего не случилось?

– Цела. Что с ней станется? – тянул руку за папироской тот, а, закулив и прокашлявшись, добавил: – На баркасе она. Вы же веселились здесь, не заметили, как прошмыгнула.

– Так вы за ней гнались?

– А-а! – махнул рукой Странников и грязно выругался. – Остановить хотел. Да куда там...

– С ней-то что? – Задов поднёс ещё водки. – Что вы оба, словно угорелые?

⁷ Тэффи (М. А. Лохвицкая). «Праздник дев».

– От себя бегали, – выпив поднесённое, мрачно обронил Странников и замолчал надолго, докурив папироску, забросил её далеко нервным щелчком и вдруг расхохотался неестественно, зло и громко: – Вообще-то, други мои любезные, полный конфуз на мою седую голову! Не пришёлся я ко двору Маргарите Львовне!

– Да ты что говоришь, Василий Петрович? – схватил приятеля за плечи Задов. – Дура баба, как есть дура! Чего ты за ней увязался? Лучше найдём! У меня их!.. А эту я тебе и не советовал...

– Забылся, глупец, что гордые попадают... Вот и получил, – горько ухмыльнулся Странников и ощупал лицо. – Морду всю расцарапала, когда силой сунулся. Налей-ка ещё!

– Хватит тебе, Василёк, – слегка подлил в стакан Задов. – Тебе успокоиться надо. Позвать Анну Андреевну? Она на гитаре только что нам романс чудесненький сбацила. И какой романс! Как раз в тему. Вон, Павел Тимофеич заслушался. Какая женщина! Пальчики оближешь! Как раз в твоём вкусе. И умная.

– Умная баба – вдвойне дура! – зло вставил Глазкин.

Странников между тем выпил налитое, горько покачал головой, утираясь рукавом.

– Рассказов ждёте, субчики? Интересно небось послушать, как ответственному секретарю губкома баба глаза чуть не повыцарапала?

– Да что ты говоришь, Василёк... – Задов приплясывал вокруг Странникова с полупустой бутылкой, то с одного, то с другого бока оглаживал плечи. – С чего нам злорадствовать? Я себя клянусь! Не надо было её брать, но для себя пригласил. Не ждал, не гадал, что ты втемяшишься. Меня ругать надо. Делать вот чего?.. Ума не приложу... Маргарита Львовна, она ведь вокруг Турина всё увивалась...

– А ничего вам обоим делать не надо! – рявкнул вдруг Глазкин. – Я её на место поставлю!

– Что вы такое удумали, Павел Тимофеевич? – испуганно покосился Задов. – Не надо этого. Здесь людей полно. Слух пойдёт. Само собой как-нибудь всё забудется...

– У меня не вякнет, стерва! Строила, строила всем зенки, а потом царапаться! – развернулся Глазкин к баркасу. – Только ты, Григорий Иванович, подежурь у трапа, постарайся, чтобы не зашёл кто, пока я не выйду оттуда.

– Да что же вы задумали, голубчик?

– Проучить её надо. Чтоб неповадно было.

– Павел! Ты чего это?.. – поднял голову Странников на председателя суда. – Ты в должность вступил. Негоже тебе.

– Обойдётся, Василий Петрович, – хмыкнул тот. – Исповедую её с глазу на глаз, а вдруг ошиблась она, любит вас всем сердцем, но задуррила, решила поиграться? Горазды на забавы некоторые вертихвостки. Вот и проверю да на ум наставлю, если что.

– Не метод это, – забормотал тот, конфузясь, – не любит она меня.

– Не любит – полюбит, – зашагал Глазкин к баркасу. – У баб настроение, словно ветерок весенний, то в одну, то в другую сторону.

– Василий, останови его! – затряс Задов Странникова за плечи. – Он же дурной, когда перепьёт... Натворит бед!

– А ну вас всех к чертям! – вырвал из его рук бутылку секретарь и прилип к горлышку, запрокинув.

Но водка быстро кончилась. Отбросив бутылку в сторону, он поманил Задова.

– Неси ещё! Оскорбили меня... Напиться хочу...

Баркас покачивался на волнах, поскрипывал трап, когда поднимался Глазкин. Тишина встретила его на палубе, дверь каюты не прикрыта, болталась на сломанных петлях. Пнув её ногой, он шагнул в каюту, застрял, задев косяк, сунул голову внутрь:

– Есть живые?

– Кто там? – взвился женский голос. – Подождите! Я переодеваюсь!

– Обойдётся! – ринулся он за порог.

Женщина высунулась из-за ширмы-занавески, накинула на голые плечи покрывало, отшатнулась к стене:

– Что вы себе позволяете?

– К тебе пришёл! Не догадываешься зачем? – поедал он её жадными глазами. – Ишь, актриса из-за тридцати земель! Брезгуешь нашим секретарём?

– Убирайтесь вон!

– Подумай. Не горячись, – снизил он тон. – Может, председатель губсуда тебя устроит? Слышала, наверное, про право первой ночи? Начни с меня!

Он раскинул руки, ощерился и, загоня её в угол, начал приближаться.

– Я крик подыму!

– Ори! Только мы одни здесь. Компания вся по грибы отправилась. Твой покровитель, Гришка Задов, двери сторожит.

Она схватилась за табуретку, но он легко выбил её:

– Не дичись! Ты же опытная баба, не девка двенадцатилетняя, знаешь, как всё делается...

Но не успел договорить – с треском распахнулась за его спиной дверь и на пороге выросла фигура Егора Ковригина:

– Это кто же здесь балует? Кто шумит?

– Ты, Егор! – опешил на секунду Глазкин.

– Вот, проходил мимо...

– Ну и иди. У нас свои дела с этой дамочкой.

– Какие свои? Кричит женщина?..

– Пошёл вон! – выхватив наган, Глазкин упёр его в грудь Ковригину. – Соппротивление председателю суда знаешь, чем грозит?

– Знаю, как не знать, – смирился тот и голову с улыбочкой опустил, но взмахнул ногой, и полетел наган на пол, секунды хватило, чтобы оказалось оружие у него в руке. – Опять лишка хватил, товарищ председатель суда... Прошлый раз из-за женского пола райкомвода нашего собирались на тот свет отправить, теперь вот дамочке грозитеесь...

– Заткнись!

– И разговорчики ведёте нехорошие... Грязные, прямо скажу, разговорчики ваши, – выдержанно себя вёл Ковригин, ласково. – Грозитесь мне смертоубийством. А я ведь приставлен охранять жизнь ответственного секретаря губкома и порядок вокруг него блюсти. Простил я вас прошлый раз, ан не пошло на пользу. Придётся теперь доставить вас к Василию Петровичу для объяснений. Как раз он объявился на бережку. Ну-ка, следуйте со мной!

– Верни наган, болван! – рявкнул Глазкин. – Ответишь за самоуправство!

Он рванулся было к Ковригину, но тот отодвинулся в сторону и выстрелил в пол:

– Стой как стоишь! Я при исполнении обязанностей! – прикрикнул грознее и строже, подняв наган к самому носу Глазкина.

– Ты что, сволочь? – упали у того руки, побледнела физиономия. – Думаешь, чем грозишь?

– Выходите на палубу, Павел Тимофеевич, – посуровел Ковригин. – Не хотел я шуму, но, видать, не обойтись. Ветерком вас обдует, полегчает. Заодно и народ соберётся, посмотрит на вас.

– Позорить меня вздумал?! – зарычал в бессильной ярости тот.

– Идите, идите, – повёл наганом вперед Ковригин. – Не дёргайтесь. Без баловства, очень вас прошу.

Опустив голову, вывалился Глазкин из каюты на палубу. Спрятав оружие, Ковригин подтолкнул его к корме:

– А теперь скидайте портки и сигайте в речку. Охолоните пыл.

Крякнул Глазкин, не оборачиваясь, и как был при костюме, так и перекинулся за борт в воду, словно там ища спасения от позора.

– Вот и ладненько, – крикнул вдогонку Ковригин. – Так бы и сразу слушался.

– Пьяный он, как свинья, Жорик, – беспокоилась Серафима из-за спины. – Не утонул бы.

– Дерьмо не тонет, – по-простому рассудил тот. – Природа не принимает.

Х

Недобрые предчувствия посетили Роберта Романовича Джанерти, лишь получил он заключение медицинского эксперта по поводу смерти рыбопромышленника Лихомера. Однозначный диагноз – убили подателя жалобы, убили коварным способом, ловко инсценировав самоповешение, и записка оказалась выполнена не его рукой, подделана да настолько откровенно, что, стало быть, убийца уверен был в своей безнаказанности, мысли не допускал, что заинтересует кого-то смерть безвестного еврея.

Но теперь, поняв, что просчитался, рассуждал Джанерти, и, конечно, зная или догадываясь о поручении Арла и его намерениях, убийца предпримет все усилия замести следы, а следовательно, новыми жертвами могут стать Узилевский и Гладченко, давшие показания против Глазкина. Однако Лёвка с Максом не лыком шиты, у них информаторов поболее, нежели в сыске, про заключение эксперта уже, конечно, прослышали и прониклись, в какую историю влипли. Личности эти ради таких мелочей, как истина да справедливость, головами в петлю не полезут, а значит, от всего откажутся раньше суда и дадут дёру из города, если уже не смылись. Пытаться уговаривать их либо силой удержать – бесполезная затея, мучился следователь, и очень был заинтригован, когда, ложась спать в тяжких раздумьях, услышал звонок в дверь собственной квартиры. Вытащив наган из-под подушки и отправив его в карман пижамы, шагнул встречать нежданного гостя и совсем поразился, узрев в щель приоткрытой на цепочке двери не одного, а сразу двух: Узилевский и Гладченко, смущённые и непохожие на себя, испуганно жались на площадке.

– Прощения просим за столь поздний час... – мялся Узилевский.

– Да что уж там, проходите, – поторопил он их, пропуская, убедился, что в коридоре никого больше нет, быстро запер дверь.

Однако дальше порога не пустил, уставился вопросительно:

– Чем обязан?

– Удивили мы вас, Роберт Романович? – издалека начал Лёвка, озираясь.

– Нисколько, – отпарировал он, всё поняв и решив сразу брать быка за рога. – Если явились только за этим, могли дожждаться утра. Но знаю, не это принесло вас обоих.

– Я же убеждал тебя... – дёрнулся Гладченко и нервно подтолкнул локтем Узилевского. – Уносим ноги! Зря припёрлись!

– Пронюхали, голубчики, про Лихомера, – оборвал его Джанерти. – И перепугались за собственные шкуры, не так ли?

– Вот! Слышишь, как нас встречают? – снова дёрнулся к выходу Гладченко.

– Да погоди ты, Макс... – оттолкнул его Лёвка и засверкал глазами на следователя. – Зря вы с нами так, Роберт Романович. Мы к вам, можно сказать, с чистой душой и с надеждой на защиту, раз уж объединило нас одно общее дело.

– Это-то я сразу понял, – не спешил менять тон Джанерти. – Влипли вы, господа, оба по уши в дерьмо ещё раньше, чем мне открылись на днях и покалялись. Однако за дурака хотели подержать, всех подлинных карт не раскрыли, утаить решили до особого случая, а теперь, когда жареный петух клюнул, когда почуяли, что верёвка, стянувшая шею Лихомера, и ваших не минует, прибежали ко мне. Так?... Спрятаться-то от злодеев вам некуда. Длинные руки убийцы?

Понурясь, оба опустили головы.

– Ну ладно. Поздно мораль читать... Что мы здесь стоим, проходите, побеседуем по-людски, – смиловился Джанерти и провёл их в полумрак кабинета, где, включив настольную лампу, кивнул на кресла, устроился сам за столом. – Угощать, извините, нечем. Домработница утром явится. Выпить тоже не предлагаю, так как сам не пью в такие поздние часы.

Ну а вам не следует, чтобы опять не запомнили, зачем пожаловали, – он криво усмехнулся. – Начинайте.

Приятель переглянулся, Лёвка заговорил первым:

– Вы, конечно, слышали об арестованном Губине Петре Аркадьевиче?

– Губине! Ишь куда хватил!.. Не высоко ли?

– Значит, слышали...

– Ну, допустим.

– Только знаете про него не всё, – прищурился Лёвка и подался к следователю вперёд, прямо змеей весь вытянулся. – Мы вас просветим про такие его делишки с Глазкиным, что не поверите!

– Готов послушать, – не подал вида Джанерти. – Однако почему вы уверены, будто Губин подтвердит всё, что вы мне здесь наговорите?

– А куда ему деться? – выдавил гримасу Гладченко. – Ему вышка корячит за участие в убийстве Брауха! Он за соломинку уцепится! Вы ему только посулите надежду на жизнь, а он каждое наше слово подтвердит. Лишнего городить нам тоже не резон. За каждое слово отвечаем. Губин с Глазкиным на пару обирали нэпманов так, что те пикнуть не могли. Только нам и жалились с Лёвкой.

– Вот, значит, что вы за пазухой берегли... – поморщился Джанерти. – В самое сердце народной милиции метите!

– Ну, до сердца далековато, зря вы так, однако и нас за жабры взяли, Роберт Романович! – Узиловский, не мешай стол, так и вцепился бы в следователя, руки подрагивали от возбуждения. – Вы человек проникательный, Роберт Романович, в наших кругах сльвёте порядочным, поэтому и доверились вам...

И Лёвка повёл рассказ.

Лишь под утро проводил неожиданных гостей Джанерти, выслушав и тщательно всё записав. Теперь, рассуждал он, подтверди на суде их показания Губин, не видать Глазкину кресла председателя губернского суда, на тюремную скамью прямая дорога. Поэтому раньше времени решил не тревожить Арла; весь истерзавшись, дождался домработницы, подгоняя её, откушал кофе и заспешил в следственную тюрьму.

Шёл, а сам обдумывал ещё одну нелепую завакку: Губин всё ещё числился за розыском: агент Ляпин задерживал передачу уголовного дела об убийстве Брауха в прокуратуру по пустяшным формальностям – не все бумаги добрал. Поэтому вызов на допрос Губина непосредственно следователем затруднялся. Пользуясь добрыми отношениями с начальником тюрьмы Минуровым, Джанерти, конечно, мог моментально решить этот вопрос и никто б ему препятствий не учинил, но Роберт Романович норму закона чтит превыше всего, поэтому из кабинета начальника тюрьмы позвонил исполняющему обязанности начальника губрозыска.

– Зачем вам понадобилась эта сволочь? – лениво поинтересовался Камытин. – Василий Евлампиевич распорядился никого к нему не допускать, пока Ляпин не закончит дело сам.

– Я б не настаивал, но у меня поручение Макара Захаровича, – пришлось намекнуть Джанерти.

– Сам Арёл крылья распустил на этого стервеца? – Камытин, хорошо знавший следователя ещё по совместной службе, мог позволить себе некоторые вольности. – Или другой какой интерес? Признайся как на духу, Романыч.

– Извини, не могу поделиться, Пётр Петрович, – Джанерти боялся откровенничать. – Не мой секрет.

– Вот как... – Камытин хмыкнул в ответ и телефонная трубка не смогла скрыть его иезуитства. – Хорошо. Только ты уж не обессудь, Роберт Романович, придётся тогда подождать разрешения Турина на этот допрос. Много времени не займёт. Пошлю к нему шофёра

с бумагой, он лихо сгоняет и вам сразу же доставит. Вы в тюрьме, не ошибаюсь? С Растямом Харисовичем чаи гоняете? Знатная у него заварочка, пробовал. Привет ему передавайте.

И запиликала трубка отбоем.

– Вот крыса! – выругался Джанерти, оттолкнув аппарат. – Это он мне в ответ, что смолчал насчёт Губина.

– Артачится Пётр Петрович? – добродушный толстяк, начальник тюрьмы Минуров, слышал весь разговор, усмехнулся, сочувствуя, подмигнул. – Не переживайте. Бывает у него, когда шлея под хвост попадёт. Хотите – распоряджусь, выдадут вам Губина, ни одна собака знать не будет, а там и бумаги подвезут?

– Не к спеху, – поморщился Джанерти, закурил сигару и постарался перевести разговор на другую тему: – Мы ведь, Растям Харисович, действительно давненько с вами чаи не гоняли. К тому же, помнится, обещали вы похвастать новыми образцами татуировок ваших подопечных. Был перевалочный этап с Кавказа? Там ведь публика экзотичная, есть экзemplяры!..

– Хватает этого добра, любуйтесь, – Минуров выложил перед следователем папку с зарисовками татуировок уголовников. – Надзиратель Приходько постарался, помня вашу просьбу. Всё хочу поинтересоваться, Роберт Романович, так ли помогают вашей работе эти допотопные художества или увлекаетесь ради забавы, баловство души?

– Вам бы знать! – раскрыл папку Джанерти и с жадностью одержимого знатока приник к рисункам. – В этих татуировках скрыт криминальный мир, зеркало, так сказать, происходящих в нём тенденций. Для нашего брата, сыщика, это интересная наука и кладёзъ специальной информации. Но чтобы понять, надо разгадать рисунок и смысл, в нём содержащийся. Порой до утра мучаешься над какой-нибудь такой абракадаброй, голову ломаешь, а в толк не войти, у самого хозяина интересуешься, а тот начнёт такое врать про свои подвиги, волосы дыбом встают. Некоторые татуируются, чтобы авторитет заработать, но попадаются экзemplяры ого-го!

– Неужели ещё попадаются?

– Вот всё собираюсь монографию написать да в распространить в помощь среди работников сыска, – оторвался Джанерти от бумаг и прихлебнул чай, заботливо приготовленный и поданный Минуровым в расписной зелёной чашке, которую держал тот для особых гостей.

– Вы уж и нас тогда не забудьте. – Минуров подsunул расписную тарелку с печеньем.

– Времени не хватает, да и материала ещё маловато, а ведь чешутся руки, так и просятся накопившиеся мысли на бумагу.

– Раз имеется надобность, мы постараемся, Роберт Романович, – заверил Минуров. – Я Приходько прикажу, чтоб не пропускал ни одного урку. Будет расспрашивать про каждую татуировку и сразу описание прилагать.

– Татуировка профессионального преступника – необыкновенное удостоверение личности уголовника, подтверждающее его положение среди своих, – допил чай следователь и, откинувшись на спинку стула, разговорился, увлечшись. – Авторитеты, элита криминала удостаиваются особых росписей, порой икону целую на спине или груди размещают, поди разгадай все их подвиги! Воры помельче, те мудрят в соответствии со специализацией: щипачи, гопстопники, медвежатники. Убийцы – и те квалифицируются особыми знаками, убил женщину – на груди или бедре обнаружите у него татуировку в виде женщины, горящей на костре, и поленья в том костре не просто пририсованы, их количество означает срок лишения свободы. Милейшее домашнее животное – кот – для них символ удачи, но самый распространённый знак носит на плече даже впервые угодивший за решётку – восходящее солнце.

– И что же это означает?

– Ничего дороже для узника – мечту о свободе...

– Товарищ начальник! – с треском распахнулась дверь, и в кабинет влетел надзиратель. – Беда в одиночке!

– Что стряслось? – Минуров так и вскочил.

– В глазок проверял, когда первый обход делал, арестованный на нарах сидел, из чашки хлебал. Второй обход сделал – он ничком на полу и не движется!

– Зачем паникуешь? – Минуров старался сдерживаться. – Камеру открыл?

– Я Матвеича крикнул. Вместе открыли и забежали. Мёртв!

– Как мёртв? Почему? Один же был?

– Один. Только не дышит и пена у рта.

– За врачом, за Абажуровым беги, остолоп! Может, припадок? А ты крик поднял!

– Отошёл... – прислонился к стене надзиратель и руки без сил уронил. – Матвеич пульс пытался считать. А его нет, холодное тело...

– Кто умер? – чуя недоброе, Джанерти задёргал начальника тюрьмы за рукав. – Кто в одиночке был?

– Да ваш арестант! – покрасневшее лицо Минурова покрылось мелкими капельками пота. – Сотрудник милиции... Губин этот... Которого вы допрашивать собрались.

XI

Странников уезжал на курорт, оттуда в Москву к месту новой службы. Отгуляли прощальные балы, отгремели пафосные речи. Весть, облетев город, взбудоражила всех, и желающие запечатлеть своё почтение в последние дни пребывания выстраивались длинными очередями за дверью приёмной.

Облачась в мундир, тайком привезённый в палату, Турин удрал из больницы. Худющий, в фуражке, спадающей на нос, бледный, но чисто выбритый, покачиваясь от слабости, шёл он по коридору губкома к кабинету ответственного секретаря. Знавшие расступались сами, недовольных теснил, а перехватив негодующий жест с запозданием выскочившей из-за стола Ариадны Яковлевны – командующей парадом, осадил её тяжёлым взглядом, не дав раскрыть рта, рванул ручку двери на себя и шагнул за порог кабинета.

Он должен был видеть секретаря губкома, объясниться с ним с глазу на глаз и помешать этому не нашлось бы никакой силы.

Кабинет был пуст. Но за дверьми известной комнаты царил веселье, раздавались шум и гам голосов. Высунулся раскрасневшийся Задов, ахнул, неестественно закатив глаза, всплеснул руками: «Кого я вижу!», нырнул назад. Турин снял фуражку, рукавом стёр холодный пот со лба; дверь комнаты распахнулась шире, и вывалился сам Странников. Навеселе, с рюмками в руках, протягивая одну, крикнул:

– Тёзка! Вот уж не ждал не гадал!

– Здравия желаю, товарищ ответственный секретарь губкома! – попробовал Турин вытянуться, как бывало, щёлкнуть каблуками, но не получилось. – Вот...

– Ничего, солдат! Своими ногами пожаловал! Благодарствую! Выписали, значит?

– Не совсем так...

– Это хорошо! – не слушая, перебил тот. – Выпьем за твоё здоровье!

Турин принял рюмку, Странников, не дожидаясь, осушил свою.

– А ведь я тебя не забыл! – потрепал он его по плечу, не замечая, как тот скривился от боли. – Собирался заглянуть перед отъездом. Артистов взять думал!.. Устроили б тебе концерт по случаю выздоровления!

Он обернулся, за спиной его толпились выбравшиеся развесёлый Задов, дородная Анна Андреевна, побрякивающая на гитаре, особа пожиже и обнажённой, знакомые профессора мединститута: Телятин или Телятников, второй по фамилии Эксельман или Висксельман, признательно кланяясь, твердящие наперебой: «Где же вы, батенька, лечились? К нам нужно было. Мы б вас в один миг на ноги, а то что же – кожа да кости»... Анна Андреевна наседала на Задова, перебирая струны: «Григорий, может, здравицу по такому случаю?»

– Видишь, как рады тебе? – пьяно сверкал глазами Странников. – Айда к нам! – и поманил за собой в комнату. – Сегодня тут только друзья! Сегодня!..

– Василий Петрович, – коснулся его рукава Турин, – у меня разговор к вам.

– Что? Не годится моя компания? – Странников переменился в лице, поморщился, ухмыльнулся. – Мне они тоже изрядно надоели. Прогнать их к чёртовой матери?

– Обстоятельства не терпят...

– Так уж не терпят? – осклабился тот и, покачивая головой, пристально уставился на Турина. – Тайны у тебя?.. Секреты особые не для моих друзей?.. А зря, ведь я про тебя всё давно знаю.

Турин выпрямился, встретил взгляд секретаря.

– Ты на койке лежал, а мне докладывали про твои героические подвиги и победы! – зло начал Странников. – Брауха злодеи погубили, а ты их упустил... В тюрьме уже свидетелей убивают!..

- Василий Петрович!
- Прав ты, тёзка, в одном. Терпеть больше нет сил. Мне! Понимаешь?.. Мне терпеть надоело! Однако я тебя за свой стол зову, как гостя важного представляю, а ты брезгуешь!..
- Турин не опустил головы:
- Оправдываться не стану. Правы во всём.
- Вот! – Странников хлопнул его по плечу, опять не заметив, как тот закусил губу от боли. – Признаёшь?.. Не наговаривают, значит, на тебя завистники?
- Нет.
- За это и держу тебя, что не врёшь. Но ведь переполнилась чаша терпения. Жалуются... развалил ты милицию! Не проходит твоя кандидатура в её начальники.
- Турин смолчал.
- Что ж мне делать? Гнать тебя? Судить?
- Вам решать, товарищ ответственный секретарь, только прошу уделить мне несколько минут наедине.
- С глазу на глаз? – Странников издевался или потешался, трудно понять, однако осмыслен был его взгляд, суров вид.
- Желательно, – не дрогнув, спокойнее обычного ответил Турин, в критических ситуациях имел он привычку холодеть рассудком и управлять собой.
- С минуту разглядывал его Странников. Трезвел, раздумывал. Наконец крикнул в спину уходящему в комнату Задову:
- Гришка! Забирай всю компанию и катитесь к едрене фене! Погуляли и будя! Утром явишься чемоданы паковать.
- Василий Петрович... – обернулся тот, в недоумении развёл руки. – В самый разгар?..
- Убирайтесь! – отрезал секретарь, набивая трубку табаком и закуривая. – Не нарываись на грубость!
- И отвернулся, задымив, кивнул Турину на стул у рабочего стола. Тот доковылял тяжело, уселся, основательно устраиваясь, фуражку перед собой аккуратно положил.
- Выкладывай с чем пришёл, – когда остались одни, процедил сквозь зубы секретарь. – Но имей в виду, встреча наша может стать и последней.
- Последней... – как эхо повторил Турин и мрачно напомнил: – Последний раз встреча наша почему-то не состоялась. Зря прождал я вас на Саратовском вокзале. А сказать уже было чего.
- погоди, погоди! – полез в ящик стола секретарь. – Не про это ли хочешь рассказать? – и швырнул газету с броским заголовком:

Внимание всем!

Сегодня близ остановки «Городское кладбище» при невыясненных обстоятельствах под рельсами трамвая погибла блиставшая в прошлом актриса театра Стравинская Аграфена Валериановна. Саратовский уголовный розыск просит всех очевидцев происшествия позвонить в дежурную часть по телефону 6–00.

- Глазкин подсунул? – так и перекосило Трубина.
- Привёз. А что тебя так удивляет? О моих отношениях с Павлиной тебе стало известно в Саратове, куда ты на мой вызов прикатил и от меня услышал, а Глазкин раньше многое удумал, чтоб меня в свою подлость завлечь, подстелил даже свою невесту ради решения своих гадких проблем!
- Турин напрягся.
- Да-да... Что глаза таращишь? Мог бы догадаться! А когда я узнал об её смерти, сам задурил, страх разум сковал – я ж первый подозреваемый! Так выходило. Он что-то плёл,

будто невеста сама руки на себя наложила, засовестившись, но я-то успел её узнать, бабу насквозь видно, как в постели переспешь. К тому же так и эдак получалось – на мне её смерть. Запил я... Э-э-эх! – Странников грохнул кулаком по столу. – Прихватил он меня под самые жабры! Запсиховал я, а он успокаивал, что свидетельницей всему является одна хозяйка той квартиры, она, мол, с перепуга сбежала куда-то, может, сдохла уже где, сама могла из-за корысти на убийство пойти, у покойницы деньги немалые были. А в милицию он заявился, ему сказывали – не нашли при трупe ничего...

– Вот оно как... Вы, значит, и с Глазкиным до моего приезда виделись? – переменялся в лице Турин. – Что ж тогда всё это от меня скрывали?

– А чем делиться? Своими подозрениями? Глазкин пообещал, что о моих связях с его невестой никто не пронюхает, я и запивал тоску, страшные свои догадки водкой. Надеялся, что ты сыщик опытный, скумекаешь сам. Да и что врать, здорово тогда я за себя перепугался – летела бы карьера к чёртовой матери, вылези что наружу. Кому сейчас верят, Турин?.. Поэтому рванул в Москву, как из запоя вышел. А оттуда лишь возвратился, Глазкин тут как тут с газетой вот этой, – он ткнул пальцем в заметку, – вот, говорит, как предполагал, перст судьбы покарал убийцу, спокойно жить можно. Но тогда ещё глубже меня прошибло, что не всё так просто – врёт он. Похоже, без его рук убийство Павлины не обошлось...

– Вы догадывались, а я точно знаю, что бывшую актрису театра Аграфену Валериановну Стравинскую сбросил под рельсы трамвая ваш спаситель Глазкин. А раз её убил, значит, и от невесты своей он избавился. Актриса этому и была свидетельница.

– Свидетели есть, что этот монстр ее под колеса трамвая толкнул? – просветлел лицом Странников, словно только и ждал этих самых слов.

– Был очевидец, – покривился Турин.

– Как был? И его убрал этот стервец?

– Не знаю, – Турин подбородок потёр до скрипа. – Надеюсь, жив, но разуверился он во мне. Во время похорон Павлины видел он меня с этим Иудой вместе у самой могилы да ещё в машине раскатывали мы, любезничали... Я-то подыгрывал стервецу, что мне оставалось делать?.. А Тимоха – тот самый очевидец – мог всерьёз воспринять... В общем, потерял я в его глазах веру, а он как раз Глазкина и поймал, когда тот толкнул актрису под трамвай... Но вырвался, подлец!

– Как же? Что же это?..

– Следил он за Глазкиным по моей просьбе, – Турин опустил глаза. – Верил мне, а теперь не знаю ничего...

– Услугой уголовников опять воспользовался? – догадался Странников. – Не можешь без них?

– А то как же? – нахмурился, обидевшись, Турин. – Этот прохвост всю прокуратуру в Саратове опутал, те только о самоповешении Френкель и твердили. Лучший кореш, Андрюха Шорохов, и тот в штаны меня встретил, против слова слышать не хотел. А ведь платок Глазкина судебный медик нашёл на груди у мёртвой актрисы.

– Что за платок?

– Чёрный! Таких не видел никогда. Редкий экземпляр. Им, наверное, и задушил Глазкин блудливую невесту, чтобы завершить свою авантюру и вас шантажировать.

– Страшный человек!..

– Человек? Это настоящее чудовище!

– Меня обмишурил так, что кресло председателя губсуда пришлось ему выбивать.

Тяжёлое молчание повисло в кабинете после слов ответственного секретаря.

– Отдайте его мне, Василий Петрович, – скрипнул зубами Турин.

– Как это отдайте?! Я твой жаргон не понимаю! – побагровев, Странников вскочил на ноги. – Ты меня со своими уголовниками не равняй!

– Вы всё понимаете, Василий Петрович, – не меняясь в лице, Турин сидел, как сидел, не шелохнулся и головы не поднял. – У меня только что Джанерти в больнице был, следовательно прокуратуры. Человек серьёзный. Арёл поручением его озадачил насчёт Глазкина. Догадываетесь, каким?

– Ну допустим, – осел в кресле секретарь.

– Вот Джанерти и обратился ко мне, а я уж к вам. Извините... с тем же.

Не сразу услышал ответ Турин, не скоро прозвучали слова, но всё же произнёс их ответственный секретарь губкома:

– Закон один для всех. И для этого сукина сына тоже.

– Убийств тех двух женщин мне не доказать, – словно подводя черту, заглянул в глаза секретарю Турин. – Однако грехов и без того у него хватает. Обещаю, всё будет по закону. И судить его будут не тайком, а принародно.

– Дождись только, когда я в Москве окажусь, – буркнул Странников.

– Неужели всё ещё опасаетесь?

– Делай как велено! – поднялся тот.

– Извините, – встал и Турин. – Завтра, значит, отбываете в Ялту?

– В Симеиз⁸, – вздохнул Странников, и не было в его глазах радости. – Вот что... раз уж такой душевный разговор получился, прости меня, если можешь... А главное, за Маргариту Львовну прости. Накуролесил я сдуру. Вообразил себе чёрт те что с пьяну. Вот и полез... силой любовь добывать... Мало она мне морду ободрала. Больше надо было...

– Как?!.

– За Глазкина, что он там на баркасе вытворял, я не в ответе. А перед ней винюсь.

– Вон оно что! – не скрыл удивления Турин. – А я ничего понять не мог – дикой кошкой забила она в угол, примчавшись с вашего гулянья, ревела тайком.

– Что ж не жаловалась тебе?

– С какой стати?

– Ну... ваши отношения?..

– Почему мне она жаловаться должна? – видно было, что Турину тяжело это говорить. – С Маргаритой Львовной нас соединяет старая дружба, однако сердце её мне никогда не принадлежало, так, кажется, говорят в высоких кругах? Честно скажу, косил глаза на красивую женщину, по молодости считал за счастье рядом с ней идти, но...

– Значит, ни слова? А я всё передумал, себя последними словами проклинал. Когда ты сюда появился с видом палача-казнителя, дрогнула моя душонка, врать не стану, – Странников даже хмыкнул и, ободрившись, приосанился.

– Причина для этого у меня была одна. Теперь вы её знаете.

– Знаю, знаю. Как же мне с Маргаритой Львовной-то быть?

– Расстроили вы её.

– Да дурак, что уж там и говорить! Избаловали меня бабы обхаживанием. Только не те, кому надо. Машка моя сбежала, не держатся рядом умные. А Маргариту Львовну я хотел пригласить с собой на курорт. Присмотрелись бы друг к другу...

– И чего засомневались?

– Испоганил всё сам же.

– Я, Василий Петрович, тоже не большой знаток в женской натуре. Советы по этой части не мне давать. У Задова глаз отточенный. Вам бы к нему...

– Да ну его к чёрту! Скажешь тоже... – поморщился тот.

⁸ Курортный городок в Крыму на берегу Чёрного моря в 21 км от Ялты.

– Видел я, как встретились вы с ней у меня в палате, слышал её рёв вчера, а поэтому мой вам совет – пока она не успела из города уехать, пока собирается с подругой к поезду, езжайте к ней и забирайте с собой обеих в Крым.

– Почему обеих? Вторая-то мне зачем? – в недоумении уставился на Турина секретарь.

– Одна она с вами ехать не согласится, – грустно усмехнулся тот. – Уж очень ненадёжный вы мужчина. А подруга за компанию, как-никак – нравственная поддержка, вдвоём они вроде сами по себе. Впрочем, не меня вам слушать. Разберётесь на курорте сами.

– Турин... – не сдержался секретарь и протянул руку для пожатия. – Ты приезжай в Москву если что. Я ведь добро помню, чем смогу, выручу.

– Спасибо. Чего загадывать? Поживём, увидим.

Часть вторая. Коварство сладкого дурмана

I

Не верилось, что всё это им придумано ради неё. У Серафимы прямо-таки плыла голова от свалившихся чудес, смешались они, словно в прелестном калейдоскопе яркие стекляшки: скорый поезд с загадочной и немного пугающей литерой «1-с», уносящий к неведомому морю, мягкий вагон с аристократическим убранством и покоем, красное вино и боржоми в ресторане на столах под белоснежными скатертями, помпезные вентиляторы, с потолка обволакивающие прохладой, галантные официанты, угадывающие любые желания по одному лёгкому взгляду, будто из-за спин царственных особ.

Всё это не шло ни в какие сравнения с бестолковыми играми в карты, с навязчивыми пристаиваниями случайных кавалеров, с жуткой убогостью, грязью и неряшливостью, преследующих их на всём первом этапе пути – от Астрахани до столицы. Краски новых впечатлений ослепили, одним махом смыв тягостное уныние затянувшегося железнодорожного вояжирования к южному берегу Крыма, куда поманил Странников, и всё бы прекрасно, не привяжись с первых дней неведомый раньше страх, смутная тревога за неясное будущее, хотя ободрял её Турин и чуть ли ни настаивал, успокаивая, – Егор Ковригин рядышком будет, ответственный секретарь губкома берёт и его с собой, а с Ангелом не пропадёшь. Серафима на первых порах и отказываться пробовала – к чему ей эти курорты! И до слёз дело доходило, но вконец рассерчивший Турин намекнул ей, что в долгу она перед ним за Корнета Копытова, обмерла тогда Серафима, смолкла, поняла, что большой интерес к этой затее имеет Василий Евлампиевич, возможно, сам и приложил ко всему руку. После ранения и больницы виделись они редко, Турин жаловался, что свалилась на голову куча неотложных дел, появлялся по ночам в гостинице, куда поселил их с подругой, говорил мало, запретил визиты к Задову и единственным радостным пятном оставались для неё тайные встречи с Егором, про которые Турин, конечно, догадывался, но ни словом не намекал. Он и принёс предложение Странникова о поездке в Крым, куда тот отправлялся в санаторий перед Москвой, сдавая дела новому секретарю. Предупредил, что понадобится ей подруга, чтобы скуку в неблизкой дороге скоротать да и на курорте вдвоём веселей будет, но тут же шепнул, что про Странникова раньше времени ей сообщать нет надобности, на юге, когда устроится всё, можно будет и обсказать, если раньше сама не допетрит. Жить придётся отдельно, возможно, где-нибудь поблизости от санатория, куда Странникова определят; он криво усмехнулся, – курорты в тех местах друг на дружке, словно грибы, понатыканы. Сказал вроде про смешное, а улыбка – обратила внимание Серафима, так как глаз с него не спускала, – не то чтобы грустной, хмурой получилась.

Вот все эти неясности угнетали её, а к концу и вовсе усилились так, что привязавшийся некстати к левой её крутой брови нервный тик сливался порой с бесконечным стуком вагонных колёс, заставляя чаще биться сердце, и, чем меньше оставалось до финала авантюрной поездки, тем злее начинала мучить её бессонница, хотя и укрывала она плотней плотного окошко занавесками.

Приметила неладное помалкивающая до поры до времени Аглая, ночью беззаботно храпящая, а днём прилипавшая носом к стеклу и деланно ахавшая на местные прелести.

После того как промелькнул Бахчисарай⁹, ушлая подружка не выдержала, метнула на неё острый взгляд:

– Что с тобой, Марго? Испугалась?

– Сама не знаю...

– Передумала?

– Что?

– Не поздно ли?

– Не бойсь за меня, подруга, – оторвавшись от своих мыслей, спохватилась Серафима. – Назад ходу нет.

– Гляди, – рассудила та по-своему и, нагнувшись к зеркальцу, что не выпускала из рук, подправила выбившийся белокурый локон. – Ханский дворец только что проехали, а сосед наш по купе, Никанор Иванович, знаешь что вчера калякал про султана тутошнего?

– Слушай больше своего грывзу! – презрительно хмыкнула Серафима. – Не совратил ещё с собой в санаторий?

Она не одобряла фривольного романчика, который проворная подруга успела завести с пожилым ловеласом, ехавшим в соседнем купе.

– Заарканит тебя обещаниями поклонник, – Серафима шутливо ткнула пальцем в пышную грудь подруги. – Не устоишь. Султана-то из какой сказки приплёл? Смотри у меня, Глашка! Про Екатерину тебе зубоскалил? Как хан Гирей, не соблазнив нашу императрицу, своим невольницам головы рубил за то, что ублажить его не могли?

– Подслушивала! Как есть подслушивала! – ахнула подружка и, отвернувшись, напыжилась, сердито поводя плечиками.

– Его вздохи страстные за версту слышны, – рассмеялась Серафима. – Дурит тебе голову.

– А ну его! – махнула та рукой. – Моря не дождусь. Так и вижу себя в гамаке, словно королева. До смерти хочется по песочку морскому босоногой пробежаться, устроить загорающим пузанам встряску. Вот глазища повыворачат! А больше и нет желаний.

– Там, где будем, вряд ли песок найдётся.

– А тебе откель знать? – опешила женщина. – К морю же едем?

– К морю, только, говорят, камни там, галька... На-ка вот почитай лучше это, приучайся к курортным правилам. Отдыхающие там по берегу гуляют, а не купаются, дамы под зонтиком с книжкой стихов в ручке и с собачкой на поводке, мужчины – с трубками и дым коромыслом вверх, – она сунула подруге небольшую книжицу в розовом переплёте с надписью «Стихотворения о Прекрасной Даме».

– Вот ещё! – оттолкнула её руку Аглая. – На книжке твоей четырнадцатый год значится. Нравы разрисованы ещё при царе Николашке. Другие теперь времена!

– Это сам Блок, глупая, – пыталась её урезонить Серафима.

– А мне зачем? Небось сыщик твой преподнёс на прощание, когда расставались?

– Он, – погладила обложку Серафима. – Угадала. Только я сызмальства те стихи наизусть знала, потому что о нас они, о чуткой женской душе. Так что советую почитать и тебе, чем время на слюнявого поклонника тратить. Кстати, в Крым Маяковский часто приезжает отдыхать. Повезёт, встретишь его и околдуешь, у тебя же лихо это получается.

– Ишь куда хватила, подруга! – Аглая с сомнением уставилась на книжку, потом подняла глаза на Серафиму. – За Маяковским в столице табуны кобылиц хвостами дороги метут, а уж на курорте вовсе такую провинцию, как я, с землёй сровняют. Да и про стишки ты

⁹ Городок в Крыму с богатым и историческим прошлым; здесь сохранился дворец легендарного хана Гирея, знаменитый Фонтан слёз, воспетый А. Мицкевичем и А. Пушкиным.

заливаешь, чтобы меня от Никанора Ивановича отвадить. Небось ни одного и не помнишь, если и учила в гимназии. Любишь ты, Серафимушка, напускать на себя тумана.

Не произносила лучше бы она последних слов, – не пришлось бы ей отскакивать в сторону, словно ужаленной. Сверкнули гневными иглами чёрные глаза Серафимы так, будь в них натуральный огонь, спалил бы всё вокруг. Вырвала заветную книжицу у трясущейся Аглаи, прижала к груди, а помолчав и чуть успокоившись, произнесла глухим, не свойственным ей голосом, исходящим из самой глубины души:

Моя сказка никем не разгадана,
И тому, кто приблизится к ней,
Станет душно от синего ладана,
От узорных лампадных теней...¹⁰

Поняла ли что-нибудь её подруга? Вряд ли. Во всяком случае, поправила причёску, ещё раз брезгливо взглянула на книжицу, подвела черту:

– Вот-от. Ты, Серафимушка, в своём репертуаре. А Никанор Иванович хвастал дворцы мне показать.

– Уймись, Глашка!

– Какая я тебе Глашка? Молчала я, молчала, но и меня проняло. Мы же договорились, Августиной буду я зваться на курорте.

– Ну Августиной так Августиной, – спокойнее глянула на подругу Серафима. – Оговорила в сердцах, не свыкшись. Только хвост-то прикрути. Ишь, расфуфырилась! Ни к чему эти шашни в поезде. Ещё неизвестно, где жить-куковать предстоит, вдруг наши кавалеры поблизости от санатория твоего Никанора окажутся. Всяк бывает, а края здесь чужие, в нашем с тобой случае, подруга, не гоже оступаться, так что держи себя.

– Он обещал свозить в какую-то Ливадию¹¹ да царские палаты показать. Небылицы рассказывал про Ласточкино гнездо...¹²

– Чего-чего?

– Замок такой над морем, будто на воздухе. Хоть одним глазком взглянуть...

– Насмотришься, потерпи, – буркнула Серафима и задумалась.

– Чую, с тобой увидишь... – с недоверием сквозь зубы процедила Аглая, сунулась к окну, загрустила. – Неизвестно ещё, как встретят. А вдруг от ворот поворот?

– Кавалера тебе подберу, – встрепенулась Серафима и оглядела молодящуюся блондинку, съёжившуюся от тревожных мыслей и мигом утратившую шик. – Ты у меня вон какая красавица! Не продешевлю, генерала, не ниже, тебе сыщу! Их там как грязи!

– Не сглазь! – враз оживилась та и всплеснула руками. – Только б не такого, как наш Никитка!

– Никитка?.. А что Никитка? Это ты комиссара Седова мне припомнила? – так и остолбенела Серафима и вся ошетибилась, будто дикая кошка, готовая к прыжку. – Да мы с тобой, подруга, за ним как за каменной стеной жили! Обе! Нашла кем попрекнуть!

– Какая уж там стена! – вспыхнув, напряглась и Аглая. – Еле ноги от тюрьмы унесли!

– А кто же знал, что он лапу в казну запустит? – Серафима привалилась к стенке спиной, смолкла, обмякнув вся, однако переживания её были недолгими; подвела глазки пальчиком, будто слезу смахнула, просветлела личиком, обняла, прижалась к подруге щекой

¹⁰ А. Блок. «Моя сказка никем не разгадана».

¹¹ Курортный посёлок, бывшее царское имение в Ялте.

¹² Древнее поместье, возведённое неизвестным царским сановником в виде замка на вершине горы и нависающее над морем.

к щеке. – Не виню его ни в чём, и не судьи мы ему. Крепким мужиком был. Таких сейчас поискать днём с огнём. Сгубила его жалость. Двоих нас ему хотелось содержать. Помнишь, ночами в постели что нашёптывал... про модные любовные треугольнички, шуры-муры иностранные, стишки читал?.. Тронутый был он душой насчёт тонких чувств, помнишь его слова про геометрию необычных человеческих отношений?.. Писателя Тургенева, итальянку Виардо и её муженька?.. Неужели забыла? Им ведь тридцати лет не было, чуть нас моложе. А про наших? Этих?.. Поэта Есенина, артистку Зинаиду Райх и её мужа, режиссёра Мейерхольда, который даже детей усыновил от её первого брака? На примере тех артистов да поэтов Никитушка нас страстью необычной заразить и собирался. А плохо ли было нам втроём? Неужели забыла всё?..

Глаза Аглаи намокли, она с дрожью прижалась к Серафиме и тоже всплакнула:

– Проходит, летит времечко золотое...

Так и сидели бы неизвестно какое время, обнявшись, эти изрядно потрёпанные жизнью два, с виду казавшиеся невинными, прелестные существа, но одна из них, светленькая, вдруг встrepенулась и воскликнула:

– Что ж это мы покойника безвредного поминаем, а про живого да ретивого думать забыли?

– Это ты про кого, Глаш?

– Твой-то, сыщик?.. В Астрахани брошенный, вдруг следом явится? Не боишься?

– Кто-кто?

– Как кто? Турин твой! Если он самого Корнета Копытова ухайдакал до смерти, то чего с нашими курортными фраерами сотворит? Он же по ревности своей в море их утопит. Не следить ли за нами своего верного Егора наладил?

– Дура! – подскочила на ноги Серафима. – Что ты мелешь?

– А что такого я сказала? – не смутилась Аглая. – Мне один разочек его увидеть хватило, чтобы всю натуру разгадать. Бешеный он до баб, к тому же однолюб, в больнице ревностью тебя изводил, глаза тарашил за каждым твоим шагом! Я таких издавека чую, поэтому сразу сторонюсь. Боюсь я их безумной ревности.

– Ну вот что, подруга! – забелела лицом Серафима, губы поджала. – Ты язык-то укороти и про фантазии эти забудь. Услышу ещё, прости, но всё наше доброе прошлое зачеркну, физиономию разрисую так, что поклонника своего вагонного перестанешь интересоваться. А на будущее запомни: мужики, которые встречать нас будут, совсем иной породы. Им твоя брехня ни к чему, а нам с тобой большой вред причинит.

– Это кто ж такие?

– Поймёшь, когда увидишь, а мозгами сейчас ворочай. Лучше уж бестолковую дурочку продолжай играть, чем вот так на меня лоб морщить, да мудрую из себя корчить.

– Зря ты, Серафимушка, – не особенно смутилась Аглая. – Я и так всю дорогу помалкивала.

– Вот и продолжай в том же духе, – отвернувшись к окну, буркнула Серафима. – Успокой мне душу и отвадь своего козла от наших дверей. Скоро приедем.

Больше к этому разговору они не возвращались, поэтому обе были несказанно рады, когда наконец проводник произнёс заветное:

– Подъезжаем к Севастополю!..

II

Встречать скорый «1-с» было поручено Ковригину. Весь по курортной моде – в лёгком костюмчике цвета беж прямо на сетчатую майку, при шикарной светлой шляпе и мягких, не дающих устоять на одном месте туфлях, он весь светился, темнея лишь загорелым лицом мулата и сражая фланирующих по перрону дамочек помоложе белозубой улыбкой и пронзительными голубыми глазами, а знающих себе цену важных матрон, прицепивших не менее двух-трёх кавалеров на променады к вечернему поезду из столицы, пленял учтивым раскланиванием, слегка касаясь края шляпы и обнажая бритую до блеска голову, враз придающую ему солидность.

Да, Ангел изменился, его попросту было не узнать. За последние несколько недель он лишился не только кудрей; крутым образом изменились его внешность и манеры, и ещё многое гораздо серьезнее.

Буквально перед отъездом в Крым Странников объявил, что берёт его с собой, но ехать агентом розыска или тем более шофёром негоже, поэтому был урегулирован вопрос с Трубкиным: с этих дней Ковригин становился работником особого ведомства и оперуполномоченным ОГПУ, командировался на время в столицу при ответственном секретаре; в дальнейшем его судьба должна была решаться в Москве. При этом непросто разговоре с глазу на глаз на лице Трубкина мелькнула некая заминка, и он невнятно озабочился – состоит ли Ковригин в партии большевиков, на что Странников в затруднении поднял брови, но все сомнения развеял Распятков, тут же бодро доложивший по звонку, что бывший агент розыска, шофёр губкома происхождения самого что ни на есть пролетарского – из рабочих и в партии большевиков, оказывается, с самого «Кровавого воскресенья», когда озверевшим Николашкой был отдан злодейский приказ расстрелять мирную демонстрацию обманутых провокатором Гапоном ни в чём не повинных людей, то есть с января 1905 года.

Единственной закавыкой, конечно, не красившей Ковригина, выявилась продолжительная задолженность по партийным взносам, но сия оплошность была не столь грешна и легко устранима.

Мнения Егора никто не спрашивал. Впрочем, он и сам прекрасно понимал, что никого не будут интересовать его мысли и соображения по таким вопросам. Ради порядка он всё же заикнулся насчёт Турина, когда был приглашён к Странникову.

– А что Турин? – буркнул ответственный секретарь, не отрывая глаз от бумаг на столе, весь в своих думах. – В столицу вызову как-нибудь, там и решу его дальнейшую судьбу. Думаю, рост по службе его обрадует. Или ты сомневаешься?

Егор знал своё место, поэтому не сомневался. Более того, казалось, скоро он вовсе многое забыл. Симеиз¹³, Мисхор¹⁴, Ай-Петри!..¹⁵ Дивным звучанием чаровали уже одни эти слова, а когда воочию узрел он чудеса на фоне лазурной поверхности моря, барахтающихся в волнах бездельников в бесстыжих одеяниях, надолго перехватило дух, и он, пока добирались до места, не переставая крутил головой, едва не свернув шею.

Катили они тогда от Севастополя к санаторию на лакированном автомобиле Крым-курсо¹⁶, однако поездке предшествовал небольшой конфуз. Ни Странников, ни Арестов, оказавшийся с ними в одном поезде, ехать ещё и в одной машине вместе не желали. Сделали,

¹³ Курортный посёлок на южном побережье Крыма с многочисленными санаториями, преимущественно противотуберкулёзного назначения.

¹⁴ Самый тёплый курорт там же, с дачей «Нюра», где жил А. М. Горький в 1902–1903 гг.

¹⁵ Одна из живописнейших вершин Главного хребта Крымских гор.

¹⁶ Лидер перевозчиков в Крыму в 1920-х годах имел более 300 легковушек и десятки автобусов, осуществлял перевозки из Ялты в Севастополь и обратно, а также от Симферополя до Евпатории.

конечно, они это весьма деликатно. Председатель губисполкома нашёл причину задержаться на вокзале, задрав нос возле какой-то достопримечательности, затерялся и отстал, дав возможность Странникову с Ковригиным первыми достичь стоянки шикарных автомобилей Крымкурсо. Бедняге Арестову пришлось расплачиваться за вынужденное лукавство – он жарился на солнцепёке долгое время, изображая страстного любителя местных реликтов, прежде чем один из капризных водителей плюнул с досады и, позарившись на его пухлый бумажник, согласился везти одного пассажира вместо положенного комплекта. Многие прибывшие тем же поездом соблазнились частным извозом: транспорт выглядел неказистее, зато услуги гораздо дешевле. Инцидент не имел бы продолжения и показался бы нелепым и смешным, если бы не дальнейшие события.

Странникова с самого начала смутило и угнетало уже само присутствие председателя губисполкома в одном вагоне – в скорый Арестов подсел в Москве. Ещё более помрачилось его сознание, когда выяснилось, что долгожданный отдых придётся провести в компании с этим человеком – путёвки у них были в один Мисхорский санаторий. Его планы, кривил он губы, радужные намерения насчёт Маргариты Львовны летели ко всем чертям. Предчувствуя их неминуемый крах, он терял рассудок, стараясь найти выход и сделать всё, чтобы не оказаться теперь с ненавистным попутчиком в одном корпусе санатория, не загорать на одном пляже, не встречаться в коридорах и, что самое ужасное – не угодить в одну палату!..

Догадывался ли он, что примерно те же мысли мучили и Мину Львовича? Вряд ли. Поэтому, укатив с вокзала первым и выиграв время, Странников удачно поселился в, казалось бы, непритязательном угловом номере, впрочем, достаточно светлом, на два окна, выходящих к морю. На радостях он даже не поинтересовался у администратора по поводу занятости санатория отдыхающими; по его рассуждениям, Арестов со своими претензиями и тщеславием претендовать на подобное жильё не станет и выберет апартаменты солиднее.

Ковригину же предстояло снять квартиру в частном секторе, поблизости от санатория, куда можно было бы время от времени подвозить на машине Маргариту Львовну с подружкой, чтобы по возможности тайно встречаться. С появлением Арестова, совершенно не вписывавшегося в эти планы, Странников твёрдо усвоил не мельтешить с дамочками на виду и поселить их в ближайшем курортном посёлке, например, в Симеизе, в шести-семи километрах от Мисхора.

Оформившись в санатории и несколько успокоясь, Странников дождался Ковригина, и оба отправились к морю смыть наконец усталость и дорожную пыль в благостных волнах, заодно напрочь утопив и допекавшую нервотрёпку. Солнце скатывалось за горизонт, народа на берегу особенно не наблюдалось, и они славно провели время, пока обоим не надоело сладостно охать и ахать, погружаясь в ласковую прозрачную негу вод, фыркать от удовольствия, заплывая за красные буи, нырять к самому дну в надежде подцепить рапан покрупнее, чтобы потом весело, по-детски хвастать.

В номере уставший Странников сразу завалился на диван в прихожей, а Ковригин в зале принялся собирать на стол, доставая привезённые местные деликатесы и спиртное – ответственный секретарь ждал большого гостя. Богомольцев, работник ЦК, давний его знакомый из кадрового отдела, отдыхал в Мисхоре и обещался провести. Знатный приятель с минуту на минуту мог пожаловать, и Странников, нервничая, поторапливал Егора. Всё наконец было приготовлено и расставлено на столе, когда неуверенный и тихий стук раздался в дверь. Богомольцев Исаак Семёнович никогда не стучался и, входя, вообще не касался дверей, перед ним их распахивали другие, но Странников все же вскочил на ноги, изобразил улыбку, схватив со стола рюмку, моргнул Егору, чтоб не мельтешил, и громогласно провозгласил:

– Милости просим!

Каково же было его недоумение и ужас, когда на порог ступил не кто иной, как знакомый уже администратор, за спиной которого маячил Арестов с огромными баулами в обеих руках, измученный и мрачный.

– Встречайте земляка! – не заметив изумления хозяев, меланхоличный администратор с дежурной улыбкой оглядел угощения. – Заждались? Прямо царский ужин приготовили.

Он глубоко затянулся аппетитными запахами, задержал взгляд на золотистом куске балыка и поблёскивавших крупных зёрнышках чёрной икры. Не сдержавшись, облизнулся и шутя погрозил пальцем на привлекательный штоф водки¹⁷ в прямоугольной зелёной бутылке:

– С этим, попрошу покорно, без злоупотреблений. Разрешаю исключительно по случаю приезда.

Сказав, вздохнул не без сожаления и, выполнив свой долг, удалился, явно не спеша.

Ковригин, не зная, как поступить, торчком застыл у двери, ни «проходите» председателю губисполкома, ни «здрасьте» у него не получилось. Он таращился на Странникова, ожидая его команд, но тот молчал с зажатой в руке рюмкой, словно проглотил что-то несказанно гадкое и жевал губы от ужасной горечи. Только теперь он приметил угол второй койки в комнате напротив, куда ранее второпях не соизволил заглянуть и теперь осознавал всю трагедию и комедию случившегося.

Чем бы всё закончилось, трудно предположить, но в коридоре послышались громкие голоса, неизвестный посетитель весёлым басом приветствовал администратора, называя его по имени и отчеству, а скоро заявился и сам в распахнутую дверь и сразу заполнил комнату мощным голосом и необъятными телесами. Задев плечом Ковригина, он прижал к груди Странникова, затискав его в медвежьих объятиях и, успев обернуться, крикнул, подзывая Арестова:

– Мина Львович, не натёрли мозоли баулы? Заноси да открывай! Небось всё съедим! Изголодался я на здешних харчах, вовремя подоспели, братцы!

Говорил он не переставая, успевал кого ущипнуть, кого по плечу прихлопнуть, а Странникова, не удержавшись или оказывая особое расположение, несколько раз расцеловал в щёки и в лоб прямо-таки по-родственному и тут же поднял рюмку:

– Сдвигай-ка ряды и стаканы, пролетариат! Сколь не виделись-то?

– Месяцев пять-шесть?.. – начал было гадать Странников.

– Полгода! Вот те на! – захохотал, неизвестно чему обрадовавшись, Богомольцев и зашвырнул шляпу с головы на диван. – Выросли орлы! – Он был навеселе и, не замечая отчуждённости Арестова и Странникова, попытался сдвинуть их лбами. – Вот вы оба, считай, и в Кремле! Это вам большое наше партийное доверие! Цените. Принимайте поздравления по случаю назначения пока от меня, ну а завтра отметим это дело в особом кругу. наших здесь собралось достаточно. Со всеми ознакомлю. Теперь вы в верхние круги власти вступаете. Должны друг друга крепко поддерживать. Одним словом, будет о чём побалакать.

И он, подавая пример, опрокинул рюмку первым.

За торжественным банкетом в небольшом уютном ресторанчике, где Странникову с Арестовым всё-таки пришлось сидеть рядом, последовали второй, третий, четвёртый... Председательствовал Богомольцев, дело своё он знал, люди были разные, но все хваткие как на подбор, энергичные, желали успеха. К концу недели, когда, как обычно, Ковригин забежал в номер подымать их к морю, Мина Львович, не отрывая головы от подушки, идти отказался, буркнул, когда его расталкивали, что придёт сам, и подмигнул мутным глазом Егору. К обеду они его так и не дождались, а когда возвращались, Ковригин забежал в лавку и догнал Странникова, пряча в карман свёрток.

¹⁷ Мера объёма жидкости, равная 2 водочным бутылкам, 10 чаркам, или 1,23 л.

– Это ещё зачем? – догадавшись, бросил тот строгий взгляд на свёрток. – Мало ты его вчера на себе из ресторана ташил? Косят уже отдыхающие. До администратора дойдёт, угодим в историю. Исаака подведём.

– Мина Львович просил, – виновато опустил голову и, не зная, что делать с бутылкой, как мальчишка смутился Ковригин. – Наши-то запасы кончились.

– Опустошили!

– А что там было-то...

– Нельзя ему. Удержу не знает, если присосётся. В запой скопытится, здесь не Астрахань, здесь его штучки дорого обойдутся, а вечером идти к Исааку, уезжает тот скоро. Отходную затекает для всех.

– Вот и поправит Мина Львович головку, чего мучиться человеку?

– Ишь, заботливый нашёлся, – нахмурился ответственный секретарь. – Быстро ты с ним спелся. На какой ниве нашли общий язык?

И он со значением зло щёлкнул себя под подбородком.

– Что вы, Василий Петрович! – вспыхнул Ковригин. – Разве можно? Как вами велено, я лишь перед сном позволяю. Только рюмочку ради успокоения организма, уснуть сразу не могу. К обстановке никак не привыкну. Мельтешат перед глазами эти купальщицы в подштанниках. Русалки, право! Одна стыдоба!

– На днях тебе ехать... встречать Маргариту Львовну. Не забыл про неё? Нимфу¹⁸ остроглазую здесь не приметил? Где устроился, как? Я к тебе так ни разу и не заглянул...

– Нормально! – вытянулся по-солдатски Егор. – Хозяйка справная. Готовит вкусно, стирает. Угодишь – ещё и поднесёт сама!

– Смотри у меня! – погрозил пальцем Станников. – Ишь, хозяйка справная... Загорел-то как! Только сейчас и заметил, – он, оценивая, оглядел Ковригина. – Словно чёрт из пекла, одни белки глаз сверкают.

– Природа.

– Ты вот что... – Станников прищурился, пожевал губами. – Вид у тебя, прямо надо сказать, неважнецкий, даже какой-то безобразный... Лохматый, чёрный весь, обтёрся, обтрепался в пути. Сам-то на себя в зеркало смотришь? С тобой скоро по улице стыдно ходить будет!

Ковригин отвёл глаза.

– Бери пример со здешних. Вишь, в чём шастают? Словно при дворе царском.

– Так нэпманы ж! – покривился тот. – Сотруднику ОГПУ разве можно?

– Можно! – гаркнул в сердцах секретарь. – Ты ещё б тужурку кожаную надел да маузер к поясу подвесил!.. А почему нельзя, голова дубовая? Ты теперь сотрудник особой секретности. Правильно будет, если за своего у них сойдёшь, информацию легче добыть, дружков среди них завести. Кумекай, чудак.

– Мне бы... – чесал затылок Егор.

– Приказ особый нужен? Трубкин, балбес наш, ничему тебя не учил?

– Ну... в общих чертах. Времени-то откуда?

– В общих чертах! – сердито оборвал его Станников. – Слушай меня. Срочно смени одежду. Костюм соответствующий подбери. Светлым чтоб был, как у этих... И шляпу соответствующую. Денег дам для первого раза, если своих не хватает.

– Трость! – подсказал, вникая в роль, Ковригин.

– Трость? Обойдёшься без трости. За жулика примут. Ты лучше кудри сбрей. Солиднее выглядеть будешь. Ишь, рассыпались, до плеч достают. Для девок отпускаешь?

– Так едут же наши, – попробовал пошутить Егор.

¹⁸ С греч. «куколка», в мифологии – женское божество, дочь Зевса.

– Не по твою душу едут. Исаак Семёнович намедни интересовался. Спрашивал, не жениться ли снова я задумал, приказал ему представить наших женщин, хочет выбрать сам.

– Смеётесь?

– Какой там! Старик всерьёз всё принял. Говорит, пора, мол, мне остепениться. Если и вторая убежит, как Машка моя, наверху по головке не погладят.

– И вы что ж, тоже всерьёз с женитьбой?

– А тебе какой интерес?

– Извиняюсь...

– Вот-вот, прищепи язык. Разговорился ты у меня. – Странников хмыкнул. – Да и я расслабился в этой обстановке. Как бы и с дамочками нашими такого же не случилось, а то станут заглядываться на здешних красавчиков. Объясни им обстановку, когда встретишь. Чтоб ни-ни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.